

СТАВКА НА ВОЙНУ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин

СЛЕПОЙ

Я НЕ СДАМСЯ БЕЗ БОЯ

CARRER
DE LA
PIETAT

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Я не сдамся без боя!

«ХАРВЕСТ»

2011

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Я не сдамся без боя! / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2011 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3685-3

Глебу Северову предстоят новые опасные приключения: поединок с боевиками в учебном лагере террористов смертников; схватка с вынашивающей злое планы бандой наемников. Но он пройдет все испытания. Он выйдет победителем в дуэлях со смертью...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-3685-3

© Воронин А. Н., 2011
© ХАРВЕСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Воронин
Слепой. Я не сдамся без боя!

© Харвест, 2010

Глава 1

За окном, чуть слышно шелестя в листве высоких берез и изумрудной траве газона, отвесно падал на землю подсвеченный выглянувшим из-за туч солнцем грибной дождь. Его капли сверкали на лету, как нити стеклянных бус; мокрые кроны старых деревьев блестели, как лакированные, газон казался усеянным миллионами лучистых бриллиантов, как будто некий сказочный богач, споткнувшись, рассыпал здесь свою сокровищницу. Над лесом встала радуга, до которой, как в детстве, хотелось добежать, шлепая по лужам босыми ногами, чтобы потрогать ее рукой.

Человеку, что стоял у окна и смотрел, как идет дождь, отчего-то подумалось, что он уже много лет – да нет, пожалуй, уже не лет, а десятилетий – не бегал босиком по траве. Даже на пляжах дорогих морских курортов, вставая с лежака, суешь ноги в шлепанцы, да и откуда на каком-нибудь Бали или Гавайях взяться нашей, российской, шелковистой муравушке? Носиться босиком по стриженным английским газонам в его возрасте уже не принято, а если бы даже он на это и отважился, удовольствие все равно получилось бы не то. Он все время помнил бы, как выглядит со стороны – высокий, под два метра, статный, уже начавший понемногу грузнеть и дрябнуть, без малого пятидесятилетний мужчина со значительным лицом человека, привыкшего к беспрекословному повиновению окружающих и исполненного сознания своей немаловажной роли в судьбе государства Российского. И вот, вообразите, такой персонаж вдруг принимается с идиотским хохотом бегать туда-сюда по старательно ухоженному газону, увертываясь от струй садовых разбрызгивателей, оскальзываясь на мокрой траве и размахивая руками! Первое, что придет в голову окружающим, это что он хватил лишнего в баре, второе – что сошел с ума... То есть, первым делом они вызовут полицию, а уж потом, когда все так или иначе утрясется, станут сдержанно судачить о причинах странного происшествия. А может, и не станут: коль скоро речь идет о русском, удивляться нечему, а значит, не о чем и говорить, русский – он и есть русский, от них еще и не такого можно ожидать...

Поймав себя на том, что уже мысленно подбирает слова, которыми станет объяснять свое странное поведение гавайским полицейским, и представляет, какими глазами они будут на него при этом смотреть, человек у окна с силой провел ладонью ото лба к подбородку, собрав лицо в горсть. Он вздохнул, вытряхивая из пачки длинную темную сигарету с золотым ободком: какая только чушь ни придет в голову! И это, заметьте, в тот момент, когда надлежит быть предельно собранным и думать только о деле.

А впрочем, что о нем теперь думать? Настал такой момент, когда думать уже поздно, да и предпринять ничего, помимо того, что уже предпринято, нельзя. Все уже придумано и сделано, остается только ждать вестей. А когда новости появятся, вот тогда и настанет время думать дальше и принимать решения в зависимости от того, как, в чью пользу сложится обстановка...

Телефон, что лежал на широком подоконнике, вдруг засиял всеми огнями, басовито жужжал и боком, по дуге, пополз по гладкой поверхности к краю. Его хозяин, вопреки обыкновению, торчал без дела у окна и любовался грибным дождем уже битых полчаса, так что на подоконнике, под рукой, лежало все, что могло ему понадобиться: оба телефона, городской и мобильный, пачка сигарет, пепельница, зажигалка, очки и еще кое-что на всякий пожарный случай.

Не торопясь отвечать на вызов, он спокойно откинул крышечку зажигалки, крутанул колесико и прикурил, окутавшись медвяным дымом настоящего вирджинского табака. Телефон продолжал жужжать и елозить, подбираясь все ближе к краю подоконника. Человек накрыл его ладонью, остановив это самоубийственное движение, нажал большим пальцем на клавишу с изображением зеленой телефонной трубки и отрывисто бросил в микрофон:

– Слушаю.

– Он умер, – прошелестела трубка ему на ухо безликим, лишенным интонаций голосом, по которому трудно было определить, мужчина говорит или женщина. – При обстоятельствах, не исключающих возможности самоубийства.

– Если верить всему, что о нем говорят, самоубийство для него – самый легкий выход, – не удержавшись от ненужного комментария, заметил он. – Может быть, даже единственный.

– Какие будут указания? – после коротенькой почтительной паузы осведомился голос в трубке.

– Ждать и быть наготове, – ответил он. – Вплоть до особого распоряжения.

– Есть ждать и быть наготове, – продублировал телефонный голос полученный приказ и дал отбой.

Человек у окна глубоко затянулся сигаретой. Умерший отправился в лучший мир почти на целые сутки позже, чем следовало бы. За это время он почти наверняка успел кое-что сказать. Возможно, сказано было многое, а может быть, даже все – все, что мог знать исполнитель, разумеется, но и этого было вполне достаточно для крупного скандала. Очень крупного! Впрочем, масштабы возможного скандала не имели особенного значения: тому, кто угодил под прямое попадание бомбы, безразлично, был это простой фугас или ядерный.

Другое дело, что мертвец уже не сможет повторить свои голосовые показания в суде. Сами по себе его слова ничего не стоят, это понятно даже тем, кто эти слова из него выбил тем или иным (несомненно, достаточно жестким, официально находящимся вне закона) способом. Значит, никакого суда, никакого скандала не будет, а что будет, покажет время. Может, и ничего; может, все еще и обойдется.

До сих пор ведь обходилось, не так ли? Кроме того, проигранная битва вовсе не означает поражения в войне. А настоящая война еще толком и не начиналась; на смену погибшему исполнителю, каким бы отменным профессионалом он ни считался, всегда найдется другой, и не один. Будут новые бои, новые потери, но без этого невозможен прогресс. Более того, без труда, риска и крови не только не завоеешь новых высот, но и старые не удержишь. Это закон природы, а против нее, матушки, не попрешь...

Телефон, который он еще не успел донести до подоконника, снова зазвонил – вернее, зажуужал, поскольку хозяин по укоренившейся привычке даже дома оставлял его в режиме вибрации, весьма удобном для человека, львиную долю своего рабочего времени проводящего на различных заседаниях, совещаниях и планерках. Стоящий у окна непроизвольно вздрогнул, отметив про себя, что становится нервным и мнительным, как тургеневская барышня. Один взгляд на дисплей заставил тревожно забившееся сердце успокоиться: звонил сын, а это не сулило никаких неприятностей, помимо тех, что уже давно стали привычными.

Он не ошибся: едва успев поздороваться, отпрыск скрипучим, сварливым тоном осведомился, в честь какого праздника любимый родитель заблокировал все его кредитные карточки.

В сущности, карточки были не его, а отцовские (иначе как кто-то, кроме него, смог бы их заблокировать?), но человек у окна не стал лишним раз сотрясать воздух, произнося вслух то, о чем оба и так отлично помнили.

– Это какая-то ошибка, – сказал он, точно зная, что ни о какой ошибке не может быть и речи. – Наверное, терминал неисправен.

– Это ты неисправен, – весьма непочтительно заявил отпрыск. – Опять у тебя в голове что-то замкнуло... Не понимаю, честное слово, чем я тебе на этот-то раз не угодил?!

Человек у окна немного помолчал, играя каменными желваками на скулах и сжимая телефонную трубку с такой силой, что побелели суставы пальцев. Только этих разборок в песочнице ему и не хватало для полного счастья! Оболтусу двадцать семь лет, а он все еще закатывает истерики родителям, которые, как ему кажется, лишили его карманных денег.

– Повторяю, – произнес он ровным голосом, – это какое-то недоразумение. Я не блокировал твоих карточек. Может, ты опять нализался до полной потери памяти и все спустил в казино?

– Подчиненных своих контролируй! – почти провизжал сын. – Может, мне кровь на анализ сдать, чтобы ты поверил, что я вчера капли в рот не брал? У меня наличных осталось на двадцать литров бензина, а ты морали читаешь!

«Потрать эти деньги на хлеб», – хотел посоветовать счастливый родитель великовозрастного мажора, но снова сдержался – не из чадолюбия, а просто потому, что знал: его слова станут гласом вопиющего в пустыне.

– Хорошо, – сказал он, – я позвоню в банк и выясню, в чем дело.

– Уж будь так добр! – с огромным сарказмом изрек отпрыск и прервал соединение.

Некоторое время человек у окна стоял неподвижно и ожесточенно дымил сигаретой, борясь с раздражением. Дождь пошел на убыль, радуга над березовой рощей засияла ярче, играя цветами спектра, а потом начала тускнеть, превратившись в свой бледный призрак. На дворе стоял август – самая грибная пора. В лесу за каменным забором, что ограждал просторный участок, было полным-полно белых и подосиновиков, которые частенько попадались даже во дворе, вместе с уже начавшей разрастаться за баней крапивой опровергая клятвенные заверения ландшафтного дизайнера в том, что после окончания работ по благоустройству на участке не останется ни единой неучтенной, не запланированной заранее травинки.

Дождь кончился, и вместе с ним улетучилось раздражение. Солнце засияло в полную силу, в небе не осталось ни облачка. От выложенных цветной фигурной плиткой дорожек во дворе валил пар, у бордюров блестели на солнце мелкие прозрачные лужи, в которых корчились хорошо различимые даже со второго этажа утолщенники – дождевые черви. Когда-то давным-давно, в полузабытом детстве, он, как и его сверстники, был уверен, что черви выползают из-под земли, радуясь дождю, и забираются в лужи потому, что им это нравится. В полном соответствии с этой теорией он не упускал случая, встретив на мокрой после сильного ливня дорожке дождевого червя, поддеть его прутиком и бросить в ближайшую лужу. Потом ему объяснили, что черви выбираются наружу, спасаясь от заливающей их извилистые подземные ходы влаги, и что в лужи они попадают случайно – слепые и безмозглые, ползут, не разбирая дороги, и оказываются в смертельной западне. И корчатся они в лужах вовсе не от удовольствия, как ему когда-то представлялось, а от удушья...

На какое-то мгновение он ощутил себя дождевым червем, предсмертные корчи которого никому не видны, но оттого не менее мучительны. Заблокированные кредитки сына были весьма красноречивой деталью, означавшей, во-первых, что покойник перед смертью успел таки многое рассказать, а во-вторых, что слова его все-таки были приняты к сведению. К счастью, у жены, которая в данный момент опустошала бутики и осчастливливала своим присутствием пляжи самых дорогих курортов старушки-Европы, был собственный банковский счет и свои кредитные карты. Дела это не меняло, но избавляло, по крайней мере, от еще одного телефонного скандала.

Усилием воли отогнав посторонние мысли, он потушил сигарету. Нужно было действовать, и действовать быстро – не звонить в банк, естественно, а просто уносить ноги, благо наличных у него было как-нибудь побольше, чем на двадцать литров бензина, и далеко не все его счета были открыты в банках, которые сдают своих клиентов, как стеклотару, по одному звонку из известного учреждения.

К побегу все было давным-давно готово – даже собранный чемодан лежал на кровати в спальне, дожидаясь, когда его оттуда возьмут. На спинке кресла рядом с письменным столом висел цивильный пиджак, карманы которого были набиты деньгами и документами, «мерседес» с залитым под пробку баком скучал в гараже. Говоря по совести, бежать нужно было еще позавчера, когда стало известно об аресте исполнителя, но он почему-то медлил – не то стес-

нялся чего-то, не то на что-то рассчитывал. А может быть, просто не хотел, полагая бегство бессмысленным?

Пожалуй, верно было последнее. Побег означал спокойную, сытую жизнь вдали от России, пламенным патриотом которой он себя считал. Высокие словеса? Пафос? Да ничего подобного! Пафос – это когда о своем патриотизме кричит склонный к бытовому пьянству и дешевому фрондерству интеллигентшишка, неспособный принести пользу не только России, но даже и своей собственной семье. А когда человек упорно, целеустремленно, не щадя ни себя, ни других, всю жизнь трудится на благо своей страны – что это, если не патриотизм самой высокой пробы? И не впервые, увы, истинному патриоту приходится выбирать между изгнанием и смертью. И далеко не всегда его, патриота, преследуют враги России – неважно, внешние или внутренние. Просто общественное благо каждый понимает по-своему, и каждому видятся свои пути и способы достижения этого самого блага.

Он проиграл, спора нет. Но бегство равносильно признанию вины, а никакой вины он за собой не чувствовал. И потом, чего он не видел за границей? Ему еще нет и пятидесяти – пожалуй, рановато подаваться в бюргеры и коротать остаток дней за пивом и чтением газет. Судя по арестованным счетам, ему готовятся нанести удар. Этот удар надо отразить; надо выстоять, не сломаться, и тогда можно будет вернуться к привычной жизни человека, каждый шаг, каждый помысел которого направлен на благо России...

Он отошел от окна, случайно поймав краем глаза свое отражение в зеркальной двери стенного шкафа. Взъерошенная, побитая временем шевелюра, бледное лицо с темными кругами у глаз – красавец! Патриот, радетель о благе народном, спаситель России... Тьфу! Хоть бы себе самому не врал, если уж говорить правду другим не получается...

Повинуясь безотчетному порыву, он откатил в сторону дверцу шкафа. Дверца послушно отошла, мягко рокоча роликами по направляющим, и из неосвещенных, пахнущих дорогим одеколоном недр в глаза ему блеснул шитый золотом погон с тремя большими звездами. Он коснулся кончиками пальцев рукава, провел по колючим лучам генеральских звезд, словно пересчитывая, все ли на месте. Правда и ложь в этой жизни переплетены, перепутаны так тесно, что порой бывает невозможно отличить одно от другого. Он не хотел покоя; он хотел власти – вот она, правда, вся, как есть, до самого доньшка. И что с того? Он кто – Мамай, Чингисхан, Гитлер? Бен Ладен какой-нибудь? Ничего подобного! Коренной русак из глубинки, из самого народного нутра – кровь от крови, плоть от плоти. И почему бы ему (пусть не единолично, пусть рука об руку с товарищами) не порулить этим громадным непотопляемым кораблем, имя которому – Россия?

Он вынул китель из шкафа, надел его, одернул лацканы и расправил перед зеркалом плечи. Гражданские брюки без лампасов, пара к тому самому пиджаку, что висел на спинке кресла рядом с рабочим столом, немного портили картину, как и отсутствие галстука с вытканым золотом двуглавым орлом, но сути эти мелкие детали не меняли.

Суть же заключалась в том, что всякому правителю свойственно стремление продержаться у власти как можно дольше. Мудрый правитель в наше время старается по мере возможности достичь этого мирным путем, через завоевание любви и уважения избирателей. А избиратель любит и уважает того, кто способен обеспечить ему максимально комфортное существование ценой наименьших усилий с его, избирателя, стороны. А если говорить об избирателе российском, так того, кого любит, ценит и уважает, он будет ставить во главе страны раз за разом, плюя на конституцию и прочие демократические вытребеньки, по принципу «не было бы хуже». То есть в наше просвещенное время человек, стремящийся удержать власть, должен денно и ночью печься о народном благе и всемерном процветании страны. Потому что в России на штыках и демагогической болтовне долго не продержишься – сметут, и правильно сделают. Заставлять народ нищенствовать и унижаться в такой богатой стране может только скопище жадных болванов, неспособных видеть дальше собственного носа, а болванам у вла-

сти не место – того и гляди, и впрямь погубят страну, будь она хоть трижды великая, могучая и богатая...

Мелодично позванивая медалями, среди которых было не так уж много юбилейных, он вернулся к окну. С крыши еще капало, капли сверкали на лету, как драгоценные камни в витрине ювелирного магазина, белесые космы пара стелились над бетонными дорожками и таяли; мир за окном был чисто умытый, радостный, сверкающий, как только что сошедшая с конвейера дорогая иномарка. Он напоминал идеальное представление о том, каким ему полагается быть, и, созерцая эту отрадную картину, было трудно поверить, что она – лишь тонкая пленка, вроде пелены изумрудной ряски, под которой скрывается бездонная гнилая трясина, готовая с сытым чавканьем поглотить дурака, сослепу принявшего ее за поросший шелковой травкой лужок.

Генерал снова потянулся за сигаретами. Он все еще медлил, будто чего-то ждал. И, как бывает почти всегда, когда ждешь неприятностей, он таки дождался.

За воротами, хорошо видный со второго этажа сквозь кованые чугунные завитки ограды, остановился черный «мерседес». Он подъехал, с шорохом и плеском разбрызгивая мелкие лужи, и остановился – с виду небрежно, где попало, а на самом деле с ювелирной точностью – так, чтобы разместившийся на заднем сидении пассажир, выходя, не ступил, упаси господи, в лужу.

Водитель, одетый в темно-серый костюм и демократичную черную рубашку без галстука, с расстегнутым воротом, выбрался из машины первым. Он был неопределенного возраста, со спортивной фигурой и короткой темной прической, слегка тронутой на висках ранней сединой. На переносице у него поблескивали темные солнцезащитные очки, а пиджак на левом боку оттопыривался так, словно этот парень носил в наплечной кобуре один из первых кремневых пистолетов или, наоборот, какой-нибудь бластер из фантастического боевика.

Он двинулся к задней дверце с явным намерением распахнуть ее перед пассажиром – без свойственного состоящим при высоком начальстве холуям в погонах подобострастия, а просто как воспитанный человек, уважающий старшего по возрасту и званию. Но толком проявить свое уважение ему не дали: дверца распахнулась, как от сильного порыва ветра, и пассажир без посторонней помощи выбрался наружу – среднего роста, сухопарый пожилой человек с обильно посеребренной, слегка поредевшей, но все еще густой шевелюрой, которую, не будь она такой короткой, так и подмывало бы назвать артистической. Одернув пиджак, он хмуро покосился на безоблачное ярко-голубое небо, как будто ожидая возобновления дождя, а то и налета вражеской авиации, и что-то сказал водителю. Тот кивнул, и оба посмотрели на окна особняка, за одним из которых стоял генерал в наброшенном поверх штатской рубашки парадном кителе.

Генерал-полковник знал старшего из гостей, как облупленного. Когда-то он даже пытался ему покровительствовать, обучая премудростям карьерного роста, но быстро охладел к своей затее: свежеиспеченный генерал оказался ярко выраженным представителем породы, на которой, по словам героя одного фильма, издревле держится Россия – честным дураком. С тех пор утекло много воды, несостоявшийся протеже генерал-полковника окреп и вошел в силу, хотя настоящей карьеры так и не сделал. За ним тянулась двусмысленная слава честного, неподкупного служаки, бессребреника, отличного профессионала и коллекционера скальпов, под которыми некогда скрывались могучие, изворотливые умы коллег-генералов, подающих большие надежды политиков и олигархов. С точки зрения генерал-полковника он был отменно натасканный цепной пес, палач на твердом окладе, начисто лишенный гибкости долдон, который, давно перешагнув рубеж пенсионного возраста, продолжал свято хранить верность усвоенным еще в школьной пионерской организации принципам и идеалам. Он, чтоб ему пусто было, тоже по-своему понимал благо государства Российского и всегда действовал в полном соответствии

с этой своей трактовкой – безнадежно устаревшей, но неуязвимой для критики ввиду своей непрошибаемой верноподданности.

Генерал-полковник отлично понимал, что означает появление этого типа под окнами его загородного дома. Там, внизу, стоял Слепой Пью, доставивший герою Стивенсона черную метку. А сама черная метка, надо полагать, висела под пиджаком у щеголяющего в темных очках водителя, который из них двоих как раз таки больше всего и смахивал на слепого.

Эта мысль, как проникший в щель между двумя ветхими зданиями сквозняк, взвихрила мелкий мусор: обрывки мрачных слухов и легенд, клочки догадок, разрозненные воспоминания о событиях, эти догадки подтверждающих...

Весь этот сор разлетелся в разные стороны, обнажив голую, неприглядную, как грязная ноябрьская мостовая, истину. Теперь стало окончательно ясно, кто ухитрился вычислить и взять с поличным исполнителя. Финал этой драмы тоже был предельно ясен: коль скоро на сцене появилась данная парочка, для гаданий на кофейной гуще уже не осталось места. Показания исполнителя, скорее всего, не были доведены до сведения высокого руководства, которое могло решить так, а могло и этак. Гостя, который незваным пожаловал к генерал-полковнику, «этак», видимо, не устраивало, и он решил действовать по своему разумению, на свой страх и риск.

И, если его спутник действительно был тем, кем казался, о дальнейшем беспокоиться не приходилось.

Генерал-полковник еще колебался, не зная, какое из двух решений ему выбрать, и тут глаза его через стекло встретились с глазами стоявшего у калитки пожилого человека. Рука, будто сама собой, протянулась к подоконнику и взяла с него то, что лежало там просто так, на всякий пожарный случай.

Потому что пожарный случай, судя по всему, уже наступил.

* * *

Дом стоял посреди спускавшейся к озеру березовой рощи. Он был трехэтажный, красного кирпича, крытый серой черепицей, и изобилдовал какими-то застекленными от пола до потолка выступами, эркерами, пристройками, широкими балконами, верандами и прочими архитектурными излишествами, при виде которых Глебу Сиверову захотелось издать сакральный возглас: «Живут же люди!..»

Он, разумеется, промолчал, поскольку знал, какие комментарии последуют с заднего сиденья. Взятый накануне при его непосредственном участии человек заговорил практически сразу: он был профессионал, а каждый профессионал знает, что запыряться бесполезно, особенно когда те, кто ведет допрос, тоже профессионалы. Мало кто способен промолчать, испытывая достаточно сильные и продолжительные болевые ощущения, а не открыть интервьюеру душу, получив внутривенно инъекцию грамотно подобранных наркотиков, сумел бы разве что Будда. Единственный по-настоящему действенный способ сохранить тайну – не знать ее вообще; ловкий тип, которого ценой немалых усилий удалось изловить агенту по кличке Слепой, кое-что знал. Он не испытывал ни малейших сомнений по поводу своей дальнейшей судьбы. Когда такие люди, как он, попадают, их устраняют, независимо от того, сказали они что-нибудь на допросе или молчали, как партизан в гестапо. Молчать, выгораживая тех, кто уже приготовил для него петлю из простыни или заточку из столовой ложки, не имело ни малейшего смысла, и арестованный поспешил рассказать все, что знал, пока у него была такая возможность.

Генерал Потапчук присутствовал на допросе. Он уже тогда был мрачен, как грозовая туча, поскольку был неприятно удивлен, взглянув на задержанного и узнав, за кем, оказывается, они так долго и упорно охотились. А когда тот поделился имеющейся у него информа-

цией, Федор Филиппович и вовсе начал напоминать Глебу восставшего из могилы мертвеца, который еще не решил, улечься ему обратно или, скажем, податься в вурдалаки.

У Глеба была слабенькая надежда, что за ночь генерал немного придет в себя. Он знал, что выдает желаемое за действительное, и не ошибся: события пошли не так, как хотелось Глебу Сиверову, а так, как они должны были пойти, поскольку ими руководили простые и ясные законы – в отличие от законов природы, временные, ибо история человечества имеет начало и конец, но на время своего действия столь же непреложные, как закон всемирного тяготения. Разговорчивый профессионал был приговорен с того момента, как его личность перестала быть тайной; это была такая же аксиома, как то, что подброшенный камень всегда падает вниз, а не вверх. И она получила блестящее (и совершенно излишнее) подтверждение, когда арестованного нашли поутру повешенным на собственных брюках в одиночной камере, расположенной в наиболее строго и тщательно охраняемом крыле следственного изолятора.

Это событие, разумеется, не прибавило Федору Филипповичу бодрости и оптимизма. И дело тут было не в повешенном на светлых, зеленоватого оттенка и нелепого покроя брюках профессионале – генерал наверняка считал, что туда ему и дорога, – а в тех, кто отдал приказ об его ликвидации. Почти всех их Федор Филиппович знал лично, и гибель арестованного служила косвенным доказательством правдивости его слов, в которой и без того никто не сомневался.

Поэтому сегодня с утра Глеб предпочитал первым с ним не заговаривать, а на редкие вопросы, поступающие от его превосходительства, отвечал коротко, предельно четко и, по возможности, односложно – да или нет. От посторонних замечаний также следовало воздерживаться. Однако он не мог не отметить про себя, что дом, к которому они подъехали, стоит в отличном месте, грамотно посажен и недурно спроектирован – так, что даже Ирина, собаку съевшая на проектировании коттеджей для нуворишей всех мастей и рангов, ограничилась бы лишь парой-тройкой мелких, несущественных замечаний.

Сквозь кованую решетку ограды виднелся зеленый двор, над которым явно потрудились грамотный ландшафтный дизайнер, сумевший удержаться в рамках избранного стиля и не превратить участок в нагромождение того, что Ирина пренебрежительно называла финтифлюшками – так называемых альпийских горок с фальшивыми водопадами, горбатых мостиков над ручьями, которые никуда не текут, валунов размером с гараж для «жигулей», а также гипсовых венер, аполлонов и прочих персонажей греческой мифологии.

Глеб заглушил двигатель, выбрался из машины и направился к задней двери, чтобы помочь Федору Филипповичу выйти, но тот опередил его, самостоятельно выгрузившись из служебного авто. Вид у него при этом был, как у вздорного старикана, который тщится доказать внукам, что еще не настолько одряхлел, чтобы нуждаться в их помощи и поддержке. Язык у Глеба так и чесался, но он снова почел за благо оставить подходящий к случаю комментарий при себе.

Прямая, как стрела, выложенная фигурной цементной плиткой дорожка вела от ворот к гаражу, за открытыми воротами которого поблескивала хромом радиаторная решетка хозяйского «мерседеса».

– Дома, – подозрительно, как будто ждал оттуда неприятных сюрпризов, покосившись на небо, констатировал Федор Филиппович.

Глеб кивнул, соглашаясь. Хозяин этой приятной во всех отношениях усадьбы был не из тех, кто пускается в бега пешком или на такси. И потом, если хорошенько подумать, куда ему бежать? И, главное, зачем? Он давно перешагнул черту, за которой понятия вины и наказания теряют какой бы то ни было смысл, а планета Земля сжимается до размеров теннисного мячика. Он был чертовски силен и влиятелен, и он так давно стремился стать еще сильнее, что, наверное, уже не всегда мог отличить действительность от плодов своего воображения. Он никого не боялся и, хотя дом его по современным меркам выглядел довольно скромно, а сам

он был всего-навсего генерал-полковник, привык считать себя неуязвимым для большинства грозящих простым смертным неприятностей и в своих размышлениях оперировать исключительно глобальными или, как минимум, общероссийскими категориями. С некоторых пор господин генерал-полковник стал действительно заметной общественно-политической фигурой. Его скромное по московским меркам загородное жилище давно превратилось в ширму с намалеванным на лицевой стороне портретом честного, бескорыстного служаки; у него было множество обязанностей и еще больше прав, от него зависело решение многих вопросов, и поэтому...

Поэтому, помимо всего прочего, ему полагалась личная охрана.

Во дворе справа от ворот, которые, несомненно, открывались автоматически, стояла аккуратная будка охранника – красный кирпич, отмытое до скрипа стекло и та же серая черепица, что и на доме. Окна в ней были со всех четырех сторон; будка просматривалась насквозь, как аквариум, и было видно, что в ней никого нет. Никто не слонялся по двору с таким видом, словно от его бдительности зависит спасение мира, никто не вылизывал до немыслимого блеска и без того сверкающий «мерседес», и ровным счетом никто не обращал внимания на гостей, которые уже вторую минуту подряд торчали на виду у всего дома перед закрытыми воротами.

– Охраны нет, – рискнул озвучить то, что и без него было очевидно, весьма удрученный этим безлюдьем Глеб. – Не нравится мне это, Федор Филиппович. Может, все-таки вернетесь в машину? А вдруг это засада?

– Если это засада, машина меня не спасет, – помолчав – видимо, чтобы справиться с раздражением и не обляять ни в чем не повинного Глеба, проворчал генерал. – Это стандартный «мерседес», а не БТР, в нем от пули не спрячешься. Да и не хочу я ни от кого прятаться. Как там говорил этот тип, которого ты в конце весны шлепнул? В моем возрасте...

– Уже грешно бояться смерти, – напомнил Глеб, напряженно озирая пустой двор и борясь с желанием достать пистолет. – Она прорастает внутри ветвистым деревом, дающим благодатную тень... В общем, как-то так. Но это, по-моему, вовсе не означает, что надо торопиться.

Федор Филиппович не ответил, и, бросив на него короткий взгляд, Глеб увидел, что генерал опять, не отрываясь, смотрит на окна второго этажа. Последовав его примеру, Сиверов увидел в одном из них парадный генеральский мундир – вернее, человека в парадном мундире, но в первое мгновение в глаза ему бросился именно мундир, как кольчугой, прикрытый орденскими планками и рядами сверкающих медалей. Это зрелище заставило его воздержаться от высказывания вслух предположения, согласно которому хозяин дома все-таки подался в бега, воспользовавшись для этого какой-то другой машиной.

У него на глазах человек отступил от окна, растаяв в темном стекле, как погрузившийся в воду утопленник. Потом до них долетел короткий, приглушенный расстоянием и двойной оконной рамой, будничным хлопком выстрела.

Федор Филиппович еще немного посмотрел на окно, а потом опустил взгляд.

– Все, – констатировал он бесцветным голосом. – Отпустил на всякий случай охрану, чтобы не позориться, и стал ждать, чем обернется дело. А когда понял, что ждать больше нечего, воспользовался единственным выходом, который у него остался.

– Вы имеете в виду заднюю дверь? – спросил недоверчивый Глеб.

– Это вряд ли, – все тем же тусклым и бесцветным, словно неживым, голосом возразил генерал. – По-своему он был честным человеком.

– Очень по-своему, – вставил Слепой, продолжая поглядывать по сторонам, а заодно и прислушиваться, не донесется ли откуда-нибудь из-за дома звук отъезжающей машины, а то и отходящей от личного причала господина генерал-полковника моторной лодки.

Федор Филиппович проигнорировал эту реплику.

– Кроме того, – продолжал он, – у него была цель. Пустившись в бега, о ней пришлось бы навсегда забыть, а бесцельное и сытое, как у бройлерного цыпленка, существование его

никоим образом не прельщало. Согласись, материальных благ ему и здесь хватало с лихвой. Не из-за денег же он этот огород городил! Так что, думаю, ты смело можешь вычеркнуть его из своего списка.

– Прежде чем кого-то откуда-то вычеркивать, я бы все-таки хотел убедиться своими глазами, – сообщил Сиверов. – А то как бы потом заново вписывать не пришлось. Одного, помнится, уже вычеркнули, и что из этого вышло?

– Не передергивай, – устало произнес генерал. – А впрочем, как знаешь. В конце концов, это не моя, а твоя компетенция. Валяй, я подожду.

Глеб не стал спрашивать, не хочет ли Федор Филиппович составить ему компанию. Генерал был уже слишком стар, чтобы упиваться зрелищем плавающего в луже собственной крови врага и плясать «Барыню» на его могиле. Кроме того, в доме их могла-таки поджидать засада, и прозвучавший в комнате на втором этаже выстрел мог оказаться просто положенной в ловушку приманкой.

– Вы тут поглядывайте все же, – сказал он. – А то мало ли что...

– Ты мной еще покомандуй, мальчишка, – проворчал Потапчук и достал из кармана пиджака плоскую круглую жестянку с леденцами, которая обычно появлялась на свет, когда его превосходительство испытывал сильные отрицательные эмоции и начинал скучать по сигарете.

Подергав закрытую калитку и экспериментальным путем установив, что, просунув руку между прутьями решетки, не может дотянуться до кнопки, отпирающей электрический замок изнутри, Глеб подпрыгнул, ухватился за похожие на наконечники копий острия и, используя завитки чугуна в качестве ступенек, без труда забрался наверх. Спрыгнув на влажный после недавнего дождика, курящийся на солнце теплым паром бетон, он сразу же запустил руку за левый лацкан пиджака и извлек оттуда «стечкин». Сам по себе немаленький, пистолет казался чудовищно огромным из-за надетого на ствол длинного глушителя.

– Вылитый Джеймс Бонд, – прокомментировал его действия оставшийся по ту сторону забора генерал. Похоже, настроение у него все-таки улучшилось, и Глеб понимал, почему: хозяин дома хотя бы напоследок повел себя по-человечески, добровольно сделав то, к чему Федор Филиппович явно намеревался его склонить.

Кажется, он был целиком и полностью уверен в том, что хозяин действительно отослал охрану и, убедившись, что все его козыри биты, пустил себе пулю в висок. Глеб разделял уверенность своего куратора процентов на восемьдесят, а может, и на все девяносто. Но игнорировать оставшиеся десять он не имел права и потому действовал так, словно в доме его и впрямь поджидало целое отделение автоматчиков.

Солнце всюду светило с очистившегося, ясного, будто отмытого дождем неба, листья берез блестели, как лакированные, в траве сверкали, переливаясь всеми цветами спектра, точь-в-точь как бриллианты при ярком освещении, капельки росы. Чувствуя лопатками полунасмешливый взгляд Федора Филипповича, Глеб осторожно двинулся вперед. Обстановка была какая-то нерабочая, слишком яркая и жизнерадостная, и Глеб радовался тому, что у клиента хотя бы нет соседей, поскольку чувствовал, что его крадущаяся по двору фигура с пистолетом в руке на фоне всего этого великолепия смотрится в высшей степени нелепо и неуместно.

Еще ему подумалось, что эта уединенность выдает господина генерал-полковника с головой, разрушая его маскировку. Каков скромняга! Всего-то и имеет, что трехэтажный коттедж с бревенчатой русской банькой да одинокий «мерин» в гараже – не так уж много для генерал-полковника, особенно в наше время и особенно в Москве. А что под этот скромный домишко отведен добрый гектар золотой подмосковной земли, да не где попало, а в водоохранной зоне, далеко в стороне от ближайшего людского жилья, так это, надо полагать, ничего не значащий пустычок. Ну, нравится человеку уединение, ну, не любит он, когда соседи к нему на участок через забор заглядывают! Настолько не любит, что не поскупился оплатить про-

кладку всех коммуникаций протяженностью километров в пять или около того. Мелочь, казалось бы, но – красноречивая...

В метре от дорожки, по которой он шел, шелестела раскидистой кроной старая береза. В траве у ее корней блеснула темно-коричневая, будто лакированная, шляпка боровика. Не удержавшись, Глеб поискал глазами и сразу же нашел еще два – один побольше, а другой совсем молоденький, с еще нераскрывшейся шляпкой и толстенькой, крепкой ножкой. Он всегда был равнодушен к грибам и не понимал, как можно испытывать азарт, отыскивая в траве и прошлогодних листьях эту разновидность плесени, да не просто отыскивая, а затем, чтобы потом употребить ее в пищу. Отношение к грибам у него было европейское – он ими брезговал, как и жареными насекомыми, которые в странах Юго-Восточной Азии считаются лакомством. Тем не менее, сакраментальное: «Живут же люди!» снова пришло ему на ум; он уже почти ожидал увидеть за следующим деревом мирно жующего травку зайца, а то и какого-нибудь лося, но не увидел никого, в том числе и залегшей с оружием наготове охраны.

В открытом настежь гараже было чисто прибрано и пусто. Глеб пощупал капот «мерседеса». Капот был холодный. Спихватившись, Слепой вынул носовой платок и стер с покрытого черным лаком железа отпечаток своей ладони, а потом натянул перчатки: осмотр места происшествия, жертвой которого стал человек такого калибра, проводится очень тщательно, и ему вовсе не улыбалась перспектива оставить свой автограф в базах данных МУР и ФСБ.

Он оглянулся. Яркий августовский денек был, как картина рамой, обведен по периметру широким проемом ворот. Отсюда, из прохладной полутьмы, он казался еще ярче, чем был на самом деле. «Неба клочок, солнца глоток, пока не спущен курок», – вспомнилось Глебу. Строчка пришлась, что называется, не в тему: курок уже был спущен. Сквозь завитки чугунной ограды виднелся единоутробный близнец «мерседеса», возле которого стоял Слепой; около машины, сунув руки в карманы и посасывая леденец, прохаживался генерал Потапчук. В гараже и в доме было тихо, лишь на стене слева от входа негромко жужжал, мотая киловатты, электрический счетчик.

Тогда он повернулся спиной к солнечному свету, дослал в ствол пистолета патрон и, мысленно перекрестившись, толкнул незапертую дверь, что вела из гаража в дом.

Глава 2

Все это началось чуть меньше трех месяцев назад, на границе мая и июня. Точнее, началось это гораздо раньше – примерно тогда, когда нога первого русского солдата ступила на каменистую почву Северного Кавказа. Глебу Сиверову было не впервой с головой окунуться в сложную и темную игру, десятилетиями ведущуюся вокруг этого беспокойного региона, но к данному конкретному делу Федор Филиппович подключил его только тогда, когда он завершил предыдущую работу. Слепой видел в этом верный знак доброго отношения его превосходительства к своей скромной персоне: сам по роду службы вынужденный параллельно заниматься множеством дел, генерал обычно старался не взваливать на своего лучшего агента больше одного задания за раз. В этой тактике, помимо всего прочего, сквозил свойственный всякому крепкому профессионалу прагматизм: каким бы хорошим, прикладистым и удобным ни был, скажем, молоток, попытка забить им два гвоздя одновременно, как и погоня за двумя зайцами, вряд ли увенчается успехом.

Новое задание не стало для Глеба неожиданностью. Он уже много лет не ездил в метро и не разрешал делать это жене, но жили они, тем не менее, в Москве, да еще, в придачу ко всему, никак не могли избавиться от скверной привычки время от времени включать телевизор и выходить в глобальную информационную сеть.

Двадцать девятого марта Ирина вернулась домой бледная и взбудораженная; Глеб, который был уже полностью в курсе последних событий, постарался, как мог, ее успокоить, но, честно говоря, не очень-то преуспел, поскольку ситуация отнюдь не располагала к благодушию. Взрывы в метро унесли сорок жизней; бомбы пронесли на станции и привели в действие женщины-смертницы, и именно это Ирине было сложнее всего понять. «Как же надо ненавидеть, чтобы отважиться на такое! – безжалостно ероша и терзая прическу, риторически восклицала она. – Как надо ненавидеть! И кого – нас! Тебя, меня... Что мы им сделали?» – «Гм», – не удержавшись, сказал тогда Глеб, имея в виду, разумеется, себя, и только себя. «Хорошо, – правильно поняв это неопределенное междометие, поправилась Ирина, – что им сделала я? Или любая другая женщина из тех, что там погибли?» – «Любая из них могла родить или уже родила солдата, – ответил Глеб, – который мог впоследствии убить, а может быть, уже убил мужа, отца, брата, свата или просто земляка любой отдельно взятой шахидки. Отомстить солдату трудно – она не знает его в лицо, он с автоматом, за броней, и притом не один... А месть – дело святое. В общем, Восток – дело тонкое...» – «Ты мне еще Киплинга процитируй, – с горечью предложила Ирина. – Запад есть Запад, Восток есть Восток...»

В этом споре, как и в подавляющем большинстве подобных споров, никакая истина не родилась. И это было закономерно, поскольку спорили они на сугубо обывательском, кухонном уровне. Ирине не хватало информации, а Глеб намеренно умалчивал о том, что знал. Его вполне устраивал такой уровень обмена мнениями: это позволяло Ирине выговориться, а ему – отдохнуть от собственных мрачных размышлений на данную тему.

Впрочем, старался он напрасно. Интернет буквально кишел информацией, о которой умалчивали так или иначе контролируемые государством источники. Блогеры обвиняли ФСБ в отсутствии фантазии, наперебой выдвигая собственные версии – то откровенно глупые, то уже отвергнутые следствием на этапе первоначального обсуждения, а порой вполне жизнеспособные и по этой причине давно находящиеся в активной разработке у ведомства, которое они так упоенно критиковали. «Сарафанное радио» не отставало от глобальной сети, так что информации Ирине хватало и без мужа. Буквально каждый вечер, проведенный им дома, омрачался обсуждением этой невеселой темы; говорила, в основном, Ирина, Глеб старательно отмалчивался, а в ответ на вопрос, которым заканчивался каждый такой разговор: «А что об этом думают у вас?», – лишь красноречиво пожимал плечами. Ирину такой ответ, естественно, не

устраивал, а он и вправду толком не знал, что именно обо всем этом думают «у них», поскольку был по горло занят другими делами, весьма далекими от взрывов в метро.

Тем не менее, он чувствовал, что чаша сия его не минует. Премьер-министр в свойственной ему интеллигентной манере пообещал выковырять организаторов взрывов со дна канализации; Глеб, услышав это заявление, лишь тихонько вздохнул: лезть в канализацию, да еще на самое дно, ему не хотелось, но это была его работа, и он не уставал мысленно благодарить Федора Филипповича за дарованную ему отсрочку.

Но все когда-нибудь кончается, в том числе и любые отсрочки. В конце прохладного, дождливого мая все-таки настал момент, когда его превосходительство, деликатно предоставив своему агенту три дня отдыха после успешно завершенной операции, назначил ему встречу на конспиративной квартире.

В условленный час генерал переступил порог мансарды старого дома в одном из арбатских переулков и немедленно скривился, как от невероятной кислотности, оглушенный извергаемой мощными динамиками музыкой. Глеб догадывался, зачем его вызвали; настроение у него в связи с этим было не ахти, и для поднятия боевого духа он слушал «Полет валькирии» Вагнера. Увидев появившуюся на лице Федора Филипповича недовольную гримасу, он убавил громкость стереосистемы. Изгиб генеральских губ стал чуть более пологим, а мученический излом бровей – не таким крутым, как мгновение назад. Глеб сделал музыку еще тише, и в лице генерала Потапчука произошли соответствующие изменения. Это напоминало то, как растет или, наоборот, укорачивается полоска индикатора уровня звука на экране телевизора; сообразив, что выбрал не самое подходящее развлечение, Сиверов выключил музыку совсем, и лицо Федора Филипповича приобрело нормальное, привычное выражение.

– Конспиратор, – язвительно похвалил он Глеба, проходя в комнату и усаживаясь в свое любимое кресло у окна. – Гляди, дождешься, что соседи на тебя в суд подадут!

– Хотел бы я посмотреть, как они станут судиться с нашей конторой, – хладнокровно парировал Сиверов.

– То-то и оно, – констатировал генерал. – Я и говорю: конспиратор! Ты мне скажи, на кой ляд тебе надо, чтобы от твоей музыки стены аж до первого этажа дрожали? Ты же у нас Слепой, а не глухой!

– Это я беса изгоняю, – не кривя душой, сообщил Глеб.

– Ну и как, изгнал? – иронически поинтересовался Федор Филиппович, копясь в портфеле.

– Увы, – коротко ответил Слепой, предоставив собеседнику право самостоятельно догадаться, кого он подразумевал под бесом, которого безуспешно пытался изгнать.

Выпущенная им стрела отскочила от брони генеральского самообладания, не оставив на ней ни малейшей царапинки.

– Исламский терроризм снова поднимает голову, – не прекращая рыться в портфеле, сообщил его превосходительство.

Глебу показалось, что над ним попросту издеваются, но он промолчал: похоже было на то, что от внимания Федора Филипповича не укрылась его маленькая шалость с постепенным уменьшением громкости музыкального центра, и теперь господин генерал просто сравнивал счет.

– Насколько мне известно, – продолжал Потапчук, – в метро ты не едешь и Ирине не велишь. Но недавние печальные события, полагаю, не прошли мимо твоего внимания, хотя ты и был занят делами, весьма от них далекими.

Сиверов снова промолчал: ответа от него не требовали, а ненужные реплики могли только продлить и без того тягостную ввиду своей ненужности преамбулу.

– Мне поручили проверить одну из рабочих версий, – сообщил Федор Филиппович. Он, наконец, прекратил раскопки в недрах своего потрепанного портфеля, поднял взгляд на Глеба

и едва заметно усмехнулся, увидев его кислую мину. – Понимаю, – сказал он, – что в данном конкретном случае ты предпочел бы более простую и конкретную работу: я тебе – фотографию, ты мне – оригинал в охлажденном виде... Не надо! Не надо искать легких путей, Глеб Петрович. Потому что легкие пути, как правило, заводят совсем не туда, где нам хотелось бы очутиться...

– М-да, – неопределенно отреагировал на это философское замечание слегка обескураженный пронизательностью генерала Слепой.

– Впрочем, – продолжал генерал, не дождавшись более развернутой реакции, – фотография тоже будет. В свое время. А пока – вот что. Общеизвестные факты я перечислять не стану – слава богу, не на телевидении работаю, – а перейду сразу к делу. По имеющейся оперативной информации, террористы не намерены останавливаться на достигнутом и готовят новую атаку, мишенью которой на сей раз станет здание ФСБ на Лубянской площади...

– Вы же обещали не перечислять общеизвестные факты, – не удержался от маленькой шпильки Слепой.

Шпилька на поверку оказалась не так уж и мала.

– Виноват, – строго произнес генерал. – Я что, чего-то не знаю? Впервые слышу, что подготовка террористического акта в здании главного управления ФСБ – общеизвестный факт!

– Всякий, кто проходил или проезжал мимо упомянутого здания и видел бетонные блоки, которыми его огородили, чтобы было невозможно подогнать вплотную к стенам начиненную взрывчаткой машину, неизбежно должен сделать определенные выводы, – сказал Глеб. – Это не сложнее, чем сложить два и два, а у нас страна повального среднего образования. Лубянка находится в центре города, и, если каждый, кто через нее проезжал и видел эти... гм... Багратионовы флешы, рассказал об увиденном еще хотя бы одному человеку, факт подготовки нападения на Лубянку можно смело считать общеизвестным. Даже всемирно известным, если учесть, что там ездят и иностранцы... Сколько-то лет назад еще можно было надеяться, что хотя бы американцы не поймут, что к чему, но теперь даже они поумнели. Да как!..

– Ты закончил? – выдержав мхатовскую паузу, ядовито осведомился Федор Филиппович.

– Так точно, – отбарабанил Глеб. – Закончил. Но не иссяк. Тема-то благодатная, век бы сидел на кухне за бутылкой и языком чесал: чего, дескать, этим чернож... нейметесь? Дать им, сукам, по рогам, да как следует, чтобы век помнили! Сровнять этот их Кавказ с землей, заасфальтировать и сделать платную стоянку... или, скажем, всероссийскую свалку бытовых и промышленных отходов – вот это в самый раз! А мировое сообщество попричитает маленько и успокоится. Куда ж оно денется, когда у нас такой ядерный потенциал? Жить-то, небось, всем охота, даже Европарламенту!

– А чтобы причитали не слишком долго, мы им газ перекроем, – в тон ему поддакнул Федор Филиппович. – Ну, теперь все?

– Да какое там все! – окончательно распоясавшись, воскликнул Глеб, которому очень не хотелось переходить к делу.

Он был офицер, он был профессионал; он был, черт подери, платный киллер, но даже ему было трудно понять людей, упорно лезущих к пусть мизерной, но все-таки власти по лестнице, сложенной из человеческих трупов. Так же трудно ему было понять тех, кто, жертвуя все новыми и новыми жизнями, не желал делиться с соседями пирогом, который был не в состоянии съесть сам.

Однажды – недели, эдак, полторы назад, – Ирина за ужином с невероятной горечью, почти с отчаяньем, сказала: ну, что же они, в самом-то деле, творят? Да соберитесь вы все вместе, поговорите по-человечески, утопите все оружие, сколько его есть на планете, в Марианской впадине, направьте все интеллектуальные, производственные, финансовые и энергетические мощности на мирные цели, и через пятилетку – да нет, через год! – этот маленький шарик станет таким райским местечком, что смертность населения автоматически сведется к

нулю: никто просто не захочет умирать, а должным образом профинансированная медицина сделает бессмертие практически возможным и общедоступным...

Глеб, разумеется, промолчал, поскольку все, что он мог сказать, Ирина прекрасно знала сама. Человек в основной своей массе – то еще быдло, и в силу не до конца понятных современной науке причин самым сильным наркотиком для него была и остается власть. Кто-то стремится властвовать над миром, кому-то довольно небольшой постсоветской республики, а еще кто-то вполне удовлетворяется покорным страхом в глазах жены и детей.

В обществе, где всем всего хватает, власть не нужна, и именно поэтому власть имущие наркоманы никогда не станут по-настоящему заботиться о благоденствии своих подданных. Как сказал незабвенный Аркадий Райкин: пускай все будет, но чего-нибудь не хватает. Так, для уважения к власти, которая, хотя бы теоретически, может дать недостающее – буханку хлеба, стакан воды или персональный вертолет, поскольку ездить на автомобиле уже наскучило, да и пробки не дают житья. Власть должна защищать рядовых граждан, и, когда никакого врага на горизонте не наблюдается, она сама его создает, чтобы, чего доброго, не стать ненужной. Властолюбие и алчность испокон веков идут рука об руку, и именно это, а вовсе не недостаток материальных ресурсов, во все времена делало невозможным осуществление на практике утопических мечтаний о земном рае.

– Какое там все, – повторил Глеб. – Об этом можно говорить часами и даже целыми днями. Вот, к примеру, с Ириной в проектное бюро работала мусульманка. Так после этих взрывов ее буквально за три дня затравили и выжили из коллектива. И это архитекторы, интеллигенция. А она, между прочим, татарка откуда-то из-под Казани, и хиджаб, наверное, только по телевизору и видела... Честное слово, я не удивлюсь, если ей в один прекрасный день захочется подбросить в вестибюль родного учреждения сумку с гексогеном. А желающих поднять на воздух Лубянку наверняка столько, что, если собрать их в кучу, можно голыми руками прорыть еще один Беломорканал. И далеко не все они на поверку окажутся мусульманами.

Федор Филиппович демонстративно покосился на часы, и Глеб замолчал. Генерал не был виноват в несовершенстве мира; кроме того, он тоже был женат, имел собственную кухню и, надо полагать, вечерами выслушивал от супруги еще и не такие перлы кухонной философии.

– По некоторым данным, – заговорил его превосходительство таким тоном, словно за все это время Сиверов не проронил ни словечка, – в Москве с недавнего времени действует постоянный центр, управляющий действиями террористов. В том числе, как ты понимаешь, и смертников-шахидов. Именно там были спланированы и подготовлены взрывы на Лубянке и Парке Культуры, и там же в данный момент разрабатывается акция, мишенью которой является здание нашего управления. Надеюсь, ты понимаешь, насколько это серьезно.

– Разумеется, – нахмутив брови и придав лицу сосредоточенное, в высшей степени серьезное выражение, значительным тоном поддакнул Сиверов. – Я готов, можете на меня полностью рассчитывать. Костями лягу, но не позволю международному терроризму попортить ваш кабинет.

– Подход не идеальный, но вполне конструктивный, – одобрил его энтузиазм Федор Филиппович. – Только я предпочел бы, чтобы ты все-таки перестал ерничать. Да и костями ложиться вовсе не обязательно. Пускай эта сволочь костями ложится, а ты мне еще пригодишься.

– Центр, – хмыкнул Сиверов. – Центр... Как-то непохоже это на террористов. Вся их сила в том, что они неуловимы и вездесущи, а тут – центр какой-то, да еще в Москве... Так и представляю себе офисное здание – стекло, бетон, зеленое знамя над входом, куча новеньких японских джипов у парадного подъезда, а внутри полным-полно бородачей в камуфляже. Подходи, окружай и начинай зачистку – милое дело!

– Не совсем так, – вертя в руках извлеченную из портфеля коробочку с леденцами, сказал Федор Филиппович. – Где-то они, несомненно, базируются, какая-то крыша над головой у них

есть. Но центр – это не здание, а группа людей, скорее всего, очень немногочисленная. Возможно, это всего один человек – тот, кто этот центр возглавляет, а остальные так, на подхвате.

– Тогда это должна быть весьма неординарная личность, – заметил Глеб.

– Более чем, – кивнул Потапчук. – Ты себе даже не представляешь, насколько неординарная.

Он отложил в сторону коробочку, внутри которой, как горошины в погребушке, брякнули леденцы, и достал из портфеля красную пластиковую папку. Папка была полупрозрачная, и в ней, насколько мог судить Глеб, не было ничего, кроме фотографии – по-видимому, той самой, которую генерал обещал показать, когда придет время.

– Вот, полюбуйся, – сказал Федор Филиппович, извлекая фотографию из папки и протягивая Глебу.

– Шутить изволите, ваше превосходительство? – осведомился тот, взглянув на снимок. – Личность, не спорю, известная и где-то даже легендарная. Но ведь он, если память мне не изменяет, уже года три, как землю парит!

– А сколько лет парит землю старший лейтенант ВДВ Глеб Петрович Сиверов? – вопросом на вопрос ответил генерал. – Он ведь, помнится, погиб еще в Афганистане. Да и после того ему пару раз случалось погибать. Помнишь? То-то же. А то – землю парит...

– Но ведь было же официальное сообщение, – сказал Глеб, уже понимая, что городит чепуху. – Была спецоперация, были потери с обеих сторон, было опознание тел, в том числе и этого... Что же, все это – липа?

– Может, и не липа, – пожал плечами генерал. – Может, обыкновенная ошибка или небезуспешная попытка выдать желаемое за действительное. И потом, этот Джафар Бакаев был генералом еще при Дудаеве. С тех пор утекло уже очень много воды, он многому научился, недаром ведь его так долго не могли прищучить. И что, скажи на милость, мешало ему обзавестись хоть дюжиной двойников? Возможно, те, кого взяли в плен во время той операции, были на сто процентов уверены, что на их глазах геройски погиб именно Черный Волк – Бакаев. А на самом деле это был двойник... А может, ты и прав, и то сообщение о ликвидации Джафара – чистой воды липа. Как бы то ни было, есть очень веские основания полагать, что он жив, полон сил и перенес свою ставку в первопрестольную. Как черный ферзь на шахматной доске – просочился сквозь оборону белых и бесчинствует в тылах... А кое-кто теперь теребит ордена и звезды на погонах, полученные за его голову, и думает: мать моя женщина, что ж теперь будет-то? Орден отберут, в звании понизят, да и страшно, елки-палки: а вдруг этот волчара и впрямь ухитрится заминировать Лубянку?

– Да, – с притворным сочувствием произнес Глеб, – что и говорить, положение тяжелое.

– Не вижу повода для зубоскальства, – строго сказал Федор Филиппович. – Я такого позорища, как эти бетонные блоки на мостовой около управления, пожалуй, и не упомяну. Осталось только окна мешками с песком заложить, запереть все двери, погасить свет и притвориться, что все разошлись по домам.

Глеб задумчиво покивал, соглашаясь. Он проезжал через Лубянку буквально на днях и был весьма неприятно впечатлен зрелищем, о котором говорил генерал. Это напоминало последний рубеж пассивной обороны, хотя на деле, разумеется, все было далеко не так мрачно. А с другой стороны, куда уж мрачнее-то? Одна из главных целей террористов – посеять в рядах противника страх и панику. И эта цель благополучно достигнута: страх и паника посеяны, да не где-нибудь, а на самой Лубянке. Причем они сильны настолько, что их уже даже не скрывают, о чем неопровержимо свидетельствуют лежащие на мостовой посреди Москвы бетонные блоки... Еще бы противотанковых ежей поставили и заплели их колючей проволокой!

– В общем, задание понятно, – сказал он. – Найти и уничтожить. Выковырять со дна канализации и положить обратно – желательно, в виде разрозненных деталей, не поддающихся повторной сборке. Чтобы больше не воскрес.

– Вот именно, – кивнул Потапчук. – Только так, и никак иначе: уничтожить.

– Уничтожить – не проблема, – вздохнул Слепой. – А вот найти – это да... Или у вас и адресок имеется?

– Ишь, чего захотел! Адресок ему подавай... Был бы адресок, мы бы с тобой узнали, что Черный Волк, оказывается, был жив, только из новостей, причем именно так – в прошедшем времени. Нет, Глеб Петрович, придется нам с тобой самим над этим поработать. Конечно, кое-какая информация есть, и я тебя с ней ознакомлю, но не обольщайся: большой пользы ты из нее не извлечешь. Искать Бакаева придется тебе.

– Кто бы сомневался, – снова вздохнул Глеб и принялся задумчиво разглядывать фотографию, на которой был изображен немолодой, до самых глаз заросший густой, черной с проседью бородищей мужчина в больших противосолнечных очках и армейском камуфляже без знаков различия.

* * *

Зажатое среди голых скал высокогорное селение Балахани утопало в темной зелени садов. Абрикосы уже собрали, урожай продали, и приземистые, раскидистые деревья стояли пустые под жарким августовским солнцем, терпеливо дожидаясь следующей весны, когда селение снова окутается белой кипенью цветения.

Балахани террасами спускалось к бегущей по дну ущелья речке, без затей именуемой Балаханкой. Укоренившиеся в расщелинах скал корявые, перекрученные ветрами сосны напоминали часовых, высматривающих с укрепленных высот подкрадывающегося к селению врага. Увы, толку от их бессонной вахты не было никакого, и даже всемогущий Аллах, о незримом присутствии которого напоминала выступающая из зелени садов островерхая макушка мечети, не уберег правоверных мусульман Балахани от свалившихся на их головы неисчислимых бедствий.

На обочине вырубленной в скалах, никогда не знавшей асфальта дороги, подняв облако пыли, остановилась побитая ржавчиной белая «шестерка». Правая передняя дверца открылась, и вышедший из нее молодой, одетый с провинциальным щегольством черноволосый парень помог выбраться из машины сидевшей сзади девушке в длинной юбке, модной кофточке и платке-хиджабе. Наклонившись к открытому окну, он что-то сказал водителю, рассмеялся над ответной шуткой, дружески помахал рукой, и «шестерка» укатила в сторону больницы, брэнча отставшими железками и волоча за собой длинный шлейф белесой пыли. У ближайшего перекрестка она притормозила и прижалась к обочине, чтобы разминуться с выехавшим из-за поворота большим темно-синим джипом. Правый стоп-сигнал у нее не горел; потом погас и левый, и водитель, не включая указатель поворота, свернул направо, в узкий, круто карабкающийся в гору проулок.

Парень и девушка постороились, пропуская ехавший им навстречу, прочь из селения, джип. Машина была не местная; с недавних пор ставший в Балахани привычным зрелищем иностранный регистрационный знак был осенен кольцом из маленьких желтых звездочек – гербом Евросоюза – и украшен буквой «F», намекавшей на то, что данное транспортное средство прикатило в это глухое даже по меркам Северного Дагестана место с родины Мольера, Дюма и Николая Саркози.

– Журналисты, – проводив машину хмурым взглядом исподлобья, неприязненно, почти с ненавистью, произнес молодой человек. – Опять приезжали спросить у старого Расула Магомедова, что он почувствовал, когда увидел на фотографии в интернете голову Марьям. Я бы им за этот вопрос сам, лично, головы поотрывал, клянусь!

– Они не виноваты, это их работа, – без особенной уверенности возразила девушка.

Ей было лет семнадцать; она еще не вышла замуж и потому ездила в город за покупками в сопровождении брата или еще кого-нибудь из родственников. При ней был новенький полиэтиленовый пакет с купленными в Махачкале обновками и косметикой.

– Вороны тоже не виноваты, что слетаются на падаль, – непримиримо сказал молодой человек. – Их работа – выклеивать мертвецам глаза, а работа журналистов – лгать и вываливать в грязи честное имя людей, которым они в подметки не годятся. Чего они только ни наболтали про Марьям! И что она была вдовой этого Вагабова, и что дружила со второй смертницей, Джанет, и что в дом ее отца каждый день приходят люди из леса – поздравить, что дочь стала шахидкой, и что Анвар, родной брат, сам привез ее к месту взрыва... Кем надо быть, чтобы говорить о человеке такое?!

Девушка промолчала. Брат говорил это не впервые; сказать по правде, с тех пор, как стало известно о смерти Марьям Шариповой, он никак не мог успокоиться, и его гневные филиппики в адрес журналистов, военных и следователей, которые не оставляли в покое ее семью, звучали ежедневно, а бывало, что и по несколько раз на день.

Брата было легко понять. Мамед Джабраилов работал хирургом в единственной больнице Балахани и был равнодушен к двадцатисемилетней учительнице из местной школы. Его не останавливал ни ее возраст, ни то, что Марьям уже успела побывать замужем. Он всерьез подумывал о женитьбе, и родители одобряли выбор сына. Семья Расула Магомедова пользовалась в Балахани всеобщим уважением, хотя и не могла похвастаться большим богатством. Сам Расул целых тридцать пять лет преподавал в школе русский язык, его жена Патимат вела биологию, а дочь Марьям, окончив с красным дипломом педагогический университет, уже четыре года работала в той же школе завучем. У нее было два высших образования – математика и психолога, – она была умна, красива, современна, и никто из знавших ее лично ни на минуту не допуская мысли, что Марьям могла добровольно пойти в шахидки.

Никто не понимал и того, каким образом она очутилась в Москве. Накануне двойного теракта в столичном метро они с матерью отправились в Махачкалу. Марьям попросила мать подождать ее на улице – ей надо было зайти в магазин за хной для волос. А через десять минут позвонила с незнакомого номера и сказала Патимат, чтобы та ее не ждала: дескать, она зашла к подруге и вернется позже, одна. После этого странного заявления связь резко оборвалась.

Своего мобильного у Марьям не было; встревоженная мать набрала номер, с которого поступил звонок, но тот оказался недоступен. Она обзвонила всех подруг дочери, живущих в Махачкале, но никто из них не имел представления, где находится Марьям. Растерянная Патимат Магомедова вернулась домой одна, а следующим утром на станции метро «Лубянка» в далекой Москве прогремел взрыв...

Мамед Джабраилов не сомневался, что Марьям была не террористкой-смертницей, а такой же жертвой, как и остальные сорок человек, чьи жизни унесли взрывы в метро. И его младшая сестра Залина не без оснований опасалась, что он вынашивает планы мести. Единственным, но зато труднопреодолимым препятствием на пути к осуществлению этих планов было то, что Мамед не знал, кому именно он собирается отомстить. Залина знала, что он ведет осторожные расспросы среди односельчан и своих знакомых в Махачкале. Время шло, результатов не было, и Мамед начал понемногу выходить из себя и терять осторожность. Это могло плохо для него кончиться: слух о проявляемом им любопытстве мог достичь не тех ушей. И тогда в хирургическом отделении больницы высокогорного селения Балахани почти наверняка опять откроется вакансия, которую будет не так-то легко заполнить...

Залина не раз пыталась намекнуть Мамеду, что надо быть осторожнее, а лучше всего совсем отказаться от этой самоубийственной затеи, но брат ее не слушал: по его мнению, она была еще чересчур молода и слишком мало понимала, чтобы давать ему советы. Ей было известно, что он прячет у себя в комнате пистолет, но эту небезопасную информацию Залина держала при себе, все еще не в силах принять решение, как поступить: открыто поговорить с

братом, рассказать обо всем отцу или просто выкрасть оружие и от греха подальше утопить в Балаханке. Мамед часто ставил ей в пример самостоятельную и независимую Марьям, а сам обращался с ней, как с вещью или комнатной собачонкой – пусть горячо любимой и всячески оберегаемой, но бессловесной и не имеющей права на собственное мнение.

Они повернули направо и стали карабкаться в гору по вырубленным в скале крутым ступенькам. Справа и слева от них зеленели сады и белели стены крытых глиняной черепицей двухэтажных аварских домиков. На соседней улице, параллельной той, с которой они свернули, стоял милицейский «уазик» с поднятым капотом. Из-под капота торчал обтянутый серыми камуфляжными брюками зад водителя. Сдвинутая за спину открытая кобура, из которой выглядывала рукоятка пистолета, лоснилась на солнце; прислоненный к переднему крылу машины автомат тускло поблескивал вороненым железом, уставив в небо тонкий комариный хоботок ствола. Испачканные маслом голые загорелые локти водителя шевелились, из моторного отсека доносилось позвякивание металла и негромкое пение, иногда прерываемое кряхтением и произносимыми вполголоса крепкими словечками.

Эту знакомую до боли картину можно было наблюдать почти всякий раз, когда служивший в махачкалинской милиции двоюродный племянник главы местной администрации Рамзан Якубов навещал родные края. Сержант Якубов любил родное селение, чего нельзя было сказать о вверенном ему «уазике» мафусаилова века: старый драндулет терпеть не мог тряскую и крутую проселочную дорогу, что вела в Балахани, и, одолев ее, неизменно объявлял забастовку.

Было замечено, что, независимо от мер, принимаемых водителем к тому, чтобы заставить машину двигаться, этот тайм-аут длился около полутора часов, плюс-минус десять минут. По истечении указанного срока машина заводилась как ни в чем не бывало и всем своим видом выражала полную готовность продолжить путь.

Рамзану не единожды указывали на то, что время, которое он проводит, склонившись над горячим двигателем, можно было бы с таким же успехом потратить на другие, более приятные занятия, как то: чаепитие в хорошей компании, беседа с умным, уважаемым человеком или просто продолжительный перекур. Толку будет столько же, говорили ему, зато удовольствия не в пример больше. Но Рамзан Якубов явно задался целью переупрямить свой дребезжащий тарантас и с упорством, потешавшим все селение, продолжал ковыряться в трамблере, продувать жиклеры в карбюраторе и снимать, а затем снова ставить на место трубки системы охлаждения каждый раз, когда машина глохла посреди улицы и отказывалась заводиться.

(Происходило это, к слову, почти всегда на одном и том же месте, за десяток домов от жилища Якубовых, напротив дома старого Исы Евлоева, дочь которого, сорокадвухлетняя Загидат, давно рассталась с надеждой когда-нибудь выйти замуж и родить отцу внуков. Поговаривали, что это неспроста – разумеется, в шутку, поскольку невезучая Загидат была почти двухметрового роста, некрасивая, с кривой спиной, имела на носу поросшую жесткими черными волосами бородавку и носила обувь сорок четвертого размера.)

Жестом призвав сестру к молчанию, Мамед Джабраилов начал на цыпочках подкрадываться к машине. Залина осталась на месте, с улыбкой наблюдая за его маневрами. Мамед и Рамзан десять лет просидели за одной партией и были близки друг другу так, как не всегда бывают близки родные братья.

Приблизившись к «уазу», Мамед осторожно потянулся к беспечно оставленному без присмотра автомату. Его пальцы уже готовы были сомкнуться вокруг ствола, и тут Рамзан Якубов, не поднимая головы и не оборачиваясь, на полуслове оборвал песню и резко выкрикнул:

– Бах!!!

Мамед отдернул руку и отпрянул, напуганный этим неожиданным выкриком.

– Ага, попался! – радостно воскликнул Рамзан и выпрямился во весь рост – вернее, выпрямился бы, не воспрепятствуй этому поднятый капот.

Раздался гулкий металлический удар, и Рамзан, пятась и потирая относительно чистым запястьем ушибленный затылок, слез с бампера, на котором стоял.

– Зачем машину ломаешь, а? – смеясь, поинтересовался Мамед. – Взятся чинить – чини, а ты ее бодаешь, как баран!

– Здравствуй, красавица, – присаживаясь на бампер и все еще потирая затылок, обратился к Залине Рамзан. – Вывела на прогулку своего сумасшедшего брата, да? Хорошо за ним следи, он у тебя такой – что делает, сам не понимает. Автомат у меня хотел украсть, думал, он игрушечный. Ты его за руку держи, не отпускай. А лучше запри его дома, и поехали со мной в город. А твой глупый брат пускай остается тут баранов пасти, может, хоть они его научат уму-разуму...

Он встал, чтобы обняться с приятелем. Мамед крепко похлопал его по обтянутой черной майкой широкой спине, а Рамзан, ладони которого были густо испачканы маслом и графитовой смазкой, ограничился тем, что сдвинул его бока локтями. У Мамеда затрещали ребра: когда-то Рамзан Якубов входил в сборную Дагестана по классической борьбе, и хватка у него до сих пор была железная.

– Иди домой, Залина, – освободившись из медвежьих объятий школьного друга, сказал сестре Мамед. – Я поговорю с Рамзаном и приду.

– Я его провожу, чтобы не заблудился, – сверкая белозубой улыбкой, пообещал Якубов. – А то еще забредет куда-нибудь не туда и начнет ломиться в чужие двери: открывайте, хозяин пришел!

– Как такого болтуна в милицию взяли, не понимаю, – не остался в долгу Мамед. – Тебя, наверное, из спорта выгнали за то, что на ковре соперников своим длинным языком душил. Или забалтывал до потери сознания.

– Неправда, – оскорбился Якубов. – Совсем не за это. А знаешь, за что? Никому не говорил, тебе скажу! Я их не душил и не забалтывал. Я их целовал.

– Куда? – окончательно развеселившись, спросил Мамед.

– Э, что за вопрос! Некультурно такое спрашивать. Куда, куда... Ты классическую борьбу по телевизору видел? Можно подумать, там, на ковре, есть выбор – сюда хочу целовать, сюда не хочу... Куда мог дотянуться, туда и целовал, понятно?

Залина, не удержавшись, прыснула, прикрылась краешком хиджаба и ушла, напоследок бросив на красавца-милиционера лукавый, заинтересованный взгляд через плечо.

– Зачем с такими талантами в Махачкале милиционером работаешь? – посмеиваясь, спросил Мамед. – Тебе в Москву надо, в шоу-бизнес.

– Я просился, – снова присаживаясь на железный бампер «уазика», сообщил Рамзан. – Не взяли, слушай! Сказали, с мужиками целоваться мало. Надо учиться, развивать дарование, а где я его стану развивать, если из борьбы ушел?

Он кое-как обтер руки куском замасленной ветоши и достал сигареты. Мамед щелкнул зажигалкой, и друзья закурили, слушая, как во дворе Евлоевых невезучая Загидат скрипучим голосом пилит за что-то старого Ису. Жухлая, запыленная зелень садов млела в неподвижном послеполуденном зное, пыль на дороге казалась белой, как сахар, со дна ущелья доносилось журчание прыгающей с камня на камень Балаханки. Знакомый мальчишка провел мимо них навьюченного собранным в горах хворостом ишака. Он поздоровался, завистливо косясь на автомат, и пошел своей дорогой, поднимая босыми ногами пыль и подгоняя хворостиной своего лениво бредущего скакуна.

– Хорошо здесь, – дымя сигаретой и озираясь по сторонам, мечтательно произнес Рамзан. – Тихо, спокойно... И, наверное, никаких новостей.

– Никаких, – подтвердил Мамед. – Хромой Джафар вторую ногу сломал, теперь будет хромать на обе.

– Что делается, слушай! – воскликнул Якубов. – Вот ведь не везет человеку!

– Не везет, да, – хмыкнул Мамед. – Обкурился до полного обалдения, забрался на крышу и стал оттуда разговаривать с Аллахом. Пока родня бегала за лестницей, чтоб его оттуда снять, он сам спустился, кратчайшим путем. Очухался уже в палате, увидел на ноге гипс и спрашивает: кто это меня так? А жена ему говорит: известно, кто – Аллах. Не понравилось, наверное, говорит, как ты с ним разговаривал, вот он тебя и приструнил, чтоб в другой раз nepовaдно было муэдзина изображать...

– Да, – сказал Рамзан, – у жены Джафара не язык – бритва. Что делается!..

– А ты чем порадуешь? – спросил Мамед.

Якубов перестал улыбаться, поскольку точно знал, какие именно известия интересуют школьного друга.

– Для тебя новостей нет, – сказал он со вздохом. – Прости, дорогой, но, боюсь, их и не будет. Я пытался навести справки, но ты же сам понимаешь, о таких вещах вслух не говорят. Да и расспрашивать опасно. Спросишь одного, спросишь второго, а третий поговорит с тобой и отправит весточку в лес: дескать, Рамзан Якубов много на себя берет, сует нос не в свое дело, выведывает, вынюхивает...

– Эх, ты, милиция! – с упреком сказал Мамед.

Он знал, что несправедлив к старому другу. Даже московская милиция сильно отличается от того благородного образа, который старательно создают кинематографисты и авторы телесериалов. Что уж говорить о Северном Кавказе, где все повязаны друг с другом неразрывными узами кровного родства, старинной родовой дружбы и такой же старинной вражды, которая зачастую связывает людей крепче, чем самое близкое родство! Тем не менее, удержаться от упрека было просто невозможно.

Рамзан, как всегда, прекрасно все понял и не обиделся.

– Милиция, да, – кивнул он и придавил каблуком окурок. – Только то, что я милиция, не означает, что я, как баран, должен подставлять глотку под нож. Какая тебе будет польза, если меня среди бела дня расстреляют в упор прямо в центре города? Милиция... Вот скажи, ты помнишь, почему Марьям с матерью в тот день поехали в Махачкалу? Я тебе напомню, дорогой. Отец Марьям в тот день гостил у моего дяди в его городском доме. Он позвонил жене и сообщил, что в дом ворвалась милиция. А потом перезвонил уже из отделения и сказал, что все в порядке, но Патимат с дочерью все равно поехала туда.

– Ну? – сказал Мамед.

– Вот тебе и «ну». К Расулу с самого начала не было никаких претензий, он поехал в райотдел просто затем, чтобы поддержать моего дядю и братьев. Их доставили в Кировский РОВД, подержали и выпустили. Я потом специально туда подъехал, спросил: зачем моих родственников взяли, что они такое натворили? Дядя – уважаемый человек, глава администрации, зачем такого человека ни за что обидели? А они говорят: был сигнал. А был сигнал, не было сигнала – разве проверишь? Может, кто-то нарочно им позвонил, чтобы заманить Патимат и Марьям в Махачкалу, а может, это просто случайное совпадение, откуда я знаю? Я – сержант, водитель, – он похлопал ладонью по горячему пыльному бамперу, на котором сидел, – мое дело – крутить баранку, и мне, между прочим, уже дважды об этом напоминали, когда я начал задавать слишком много вопросов. В этом деле московские генералы не могут разобраться, так что ты хочешь от простого сержанта?

– Я тебе скажу, чего я хочу, – после недолгого раздумья пообещал Мамед. – Только ты сразу не начинай кричать и размахивать руками, ладно? Скажи, у тебя есть верные люди?

– Это смотря для чего, – уклончиво ответил Рамзан. – Если посидеть за столом и спеть хором, то верных людей у меня – целый Дагестан. А если для чего-то другого, так, прежде чем ответить, надо знать, для чего.

– Хочу выманить этих крыс из норы, – признался Мамед. – Кто-то должен ответить за смерть Марьям, верно? За горе ее родителей, за позор ее семьи и всего нашего селения...

– Ну-ну, – прервал его немного патетическую речь Рамзан. Он протянул приятелю открытую пачку сигарет, и они закурили по второй. – И как ты собираешься их выманить, Шерлок Холмс? ФСБ не выманила, а он выманит... Каков герой!

– ФСБ, – пренебрежительно повторил Мамед. – В ФСБ, наверное, только после того, как установили личность Марьям, нарисовали на карте кружок и подписали: «Балахани». А я здесь родился и вырос, нашу семью на сто верст в округе все знают.

– И что из этого?

– Предположим, кто-то пустит слух, что Залина восхищается подвигом Марьям и этой своей сверстницы, Джанет Абдуллаевой. Тогда...

– Постой, – поперхнувшись дымом, перебил его Рамзан. – Ты что, в самом деле сумасшедший? Думаешь, что говоришь! И о ком. Это же твоя родная сестра. Ты должен о ней заботиться, защищать ее...

– Я и пытаюсь ее защитить, – резко сказал Мамед. – Ведь ты же хорошо знал Марьям, верно? Скажи, ты веришь, что она пошла на это добровольно?

Рамзан Якубов наморщил лоб, с силой потер ладонями щеки, оставив на них темные полосы, тяжело вздохнул и, наконец, признался:

– Нет. Добровольно – это вряд ли.

– Вот видишь! – воскликнул Мамед. – Неизвестно, чем они ее запугали, какую дрянь вкололи. И это может повториться, причем с кем угодно – со мной, с тобой, с Залиной, с неведучей Загидат... А если они подойдут к Залине, когда она будет гулять по Махачкале под нашим присмотром, мы их возьмем, и они уже больше никогда никого не убьют. Залина согласится, я знаю.

– А вот я не знаю, – с сомнением произнес сержант. – Я бы на ее месте точно не согласился.

– А на своем?

– Даже не знаю... А что ты собираешься делать потом? Мести не боишься?

– Им только того и надо, чтобы мы все их боялись, – мрачно объявил Мамед. – Боишься, не боишься... В конце концов, возьму сестру и уеду с ней в Москву. Станем работать...

– В шоу-бизнесе, – с невеселой усмешкой подсказал Рамзан. – Хорошо, дорогой, я подумаю. Поговорю с ребятами, есть у меня на примете пара-тройка человек... Только учти, каждый день ходить за вами хвостом мы не сможем – сам понимаешь, служба.

– Я тоже живу не на проценты с отцовского капитала, – огрызнулся Мамед. – Раз в неделю, по выходным, часок-другой – по-моему, это не так трудно.

– Нетрудно, – согласился Рамзан. – Хромому Джафару тоже было нетрудно свалиться с крыши. И я был неправ, когда сказал, что ему не везет. На самом деле он счастливчик: мог ведь сломать не ногу, а шею... Скажи, а ты счастливчик или нет? Когда богохульствуешь, стоя на краю крыши, это надо знать наверняка.

– Я тебя не заставляю, – сквозь зубы процедил Мамед.

– Да что ты говоришь! Правда?! – обрадовался сержант Якубов. – Клянусь, брат, подумай страшно, как это будет выглядеть, если ты все-таки начнешь меня заставлять. Ногти плоскогубцами вырывать станешь, зубы электродрелью сверлить, нет?

– Вот болтливый ишак! – с досадой произнес Мамед Джабраилов и затоптал длинный окурок. – Все, я пошел. Надо успеть до вечера залатать крышу на сарае, отец вторую неделю ворчит. А вечером на дежурство заступать...

– Дежурство – это хорошо, – заявил Рамзан. – Хватит времени на то, чтобы починить свою собственную крышу. Займись, советую, как друг. Она у тебя уже набекрень, а скоро совсем съедет.

– Ты поможешь или нет?

– Куда же я денусь? Ты хоть раз слышал от кого-нибудь, что Рамзан Якубов бросил друга в беде? Правильно, не слышал. Так никто не скажет, и я хочу, чтобы все именно так и оставалось. Но ты все-таки подумай, пока есть время.

– Я подумаю, – пообещал Мамед.

Проводив его долгим задумчивым взглядом, Рамзан Якубов одной длинной затяжкой добил сигарету, бросил окурок в пыль, вздохнул и снова полез под капот: нужно было установить на место снятый карбюратор.

Глава 3

– Как всегда, обворожительна, – приветствовал вошедшую в студию ведущую Леночку Морозову генеральный (и единственный) продюсер телевизионной компании «Северо-Запад ТВ» Иосиф Кацнельсон.

В отличие от Леночки Морозовой, которая действительно была если не обворожительна, то, как минимум, очень и очень мила, Изя Кацнельсон, которого друзья и коллеги для краткости звали попросту Кацем, являл собою весьма непрезентабельное зрелище. Он был толст, неопрятен, безобразно волосат (причем последнее касалось не только верхней части его весьма неглупой головы, но и всех остальных участков его жирного тела, которые он вольно или невольно выставлял на всеобщее обозрение), одевался, как бомж, и разговаривал, как одесский гопник. При взгляде на него так и подмывало брезгливо зажать пальцами нос, но, к немалому удивлению всех, кто встречался с ним впервые, ничем, кроме хорошего парфюма, от Изи Каца не разило.

Изя был отцом-основателем компании и, помимо функций продюсера, исполнял в ней обязанности генерального, коммерческого, финансового и всех прочих мыслимых и немыслимых директоров. Он был главный бухгалтер, заведующий отделами кадров, рекламы и маркетинга, а также главный и выпускающий редактор в одном флаконе. Чего он не умел, так это поддерживать в рабочем состоянии постоянно ломающуюся аппаратуру, но с этим неплохо справлялся его школьный друг и первый (а также последний) заместитель Геннадий Воропаев по прозвищу Крокодил.

Изя Кац был уникалом; более того, он был гений. Если бы не его лень, он мог бы стать кем угодно и давным-давно возглавил бы список журнала «Форбз», оставив Билла Гейтса и прочих конкурентов далеко за кормой. Но ему было интереснее сидеть перед телевизором, пить пиво и, почесывая волосатое брюхо, издевательски ржать над выпусками новостей, чем зарабатывать миллиарды. При этом он оставался уникалом и гением; если бы не его гениальность, так называемая телекомпания «Северо-Запад ТВ» уже много лет назад приказала бы долго жить.

Самим фактом своего существования компания «Северо-Запад ТВ» отвергала все ныне действующие законы экономики и развития рыночных отношений. Эта шарашкина контора со штатом в пять человек (который господин Кацнельсон полагал неоправданно раздутым и не сокращал только в силу присущих ему мягкотелости и человеколюбия) была бы еще кое-как уместна на заре лихих девяностых. Но на исходе первого десятилетия двадцать первого века она выглядела странным недоразумением, наподобие вымершего сколько-то миллионов лет назад трилобита, бойко снующего между колесами мчащихся по Тверской автомобилей.

Изя Кац все это прекрасно понимал, и все это его ни капельки не смущало. Он продолжал непринужденно валять дурака у всех на виду, с одинаковой легкостью забалтывая насмерть и чиновников из окружной управы, и представителей крупных фирм-конкурентов, которые были не прочь, как они выражались, «прикупить» его детище, и даже собственных подчиненных, которые время от времени начинали городить какой-то вздор, требуя повысить зарплату или хотя бы выплатить то, что им причитается по действующему трудовому договору. Его ничто не брало, и Гена Воропаев по прозвищу Крокодил почти всерьез предлагал заразить его вирусом иммунодефицита, чтобы посмотреть, что из этого получится, а потом, когда будет достигнут вполне предсказуемый результат, продать полученную из Изиной крови вакцину от СПИД Всемирной организации здравоохранения и вдобавок огрести за свое эпохальное открытие Нобелевскую премию.

– Мерси, – ответила на комплимент начальника Леночка Морозова. – Фу, а накурили-то как! Хоть топор вешай, честное слово! Кац, ты когда зарплату отдашь?

– Да, – оживился полулежавший в кресле Крокодил, – в самом деле, когда? Вопрос актуальный, животрепещущий, народ им живо интересуется.

– Очень живо, – вставил сидевший ко всем спиной у компьютера оператор Валера Самокатов. Он монтировал отснятый накануне сюжет о беспределе коммунальщиков, которые, не разобравшись, вместе с бродячими собаками усыпили любимую дворнягу пенсионерки Ивановой.

Задача перед Валерой стояла архисложная: он должен был отыскать золотую середину между никому не интересными излияниями пенсионерки, косноязычными оправданиями представителя многогрешных коммунальных служб и захватывающими видами различных частей тела Леночки Морозовой, которая вела данный эпохальный репортаж. Количество упомянутых видов прямо указывало на то, что оператор Валера равнодушен к смазливенькой ведущей; Леночка его душевных порывов не разделяла: она мечтала о карьере телеведущей на настоящем канале – если не на Первом, то хотя бы на Втором, – и выгодном браке, который раз и навсегда избавит ее от материальных проблем. Она была дура, но действительно хорошенькая, а главное, умела каким-то непостижимым образом (непостижимым, в первую очередь, для нее самой) вызывать у людей доверие и симпатию.

Мучимый тяжким похмельем Иосиф Наумович Кацнельсон поднес к толстым губам пивную бутылку, сделал богатырский глоток, крикнул и блаженно закатил глаза, всем своим видом демонстрируя готовность деликатно обойти неудобный вопрос о зарплате.

Но Леночка Морозова была человек идеи. Когда в ее микроскопическом мозгу что-то застревало, свернуть ее с избранного курса было невозможно.

– Где мои бабки, Кац? – подбоченившись, перефразировала она свой вопрос.

Иосиф Наумович закатил глаза и издал мученический вздох. Его жирная короткопалая ладонь легла на то место, где под толстым слоем хорошо упитанной плоти скрывалось чувствительное еврейское сердце. Другая рука тем временем опять поднесла к губам пивную бутылку. Изя Кац гулко глотнул, утер тыльной стороной ладони большие красные губы и сообщил:

– Я установил в студии сигнализацию и тревожную кнопку.

– То есть наши денежки плакали, – констатировала Леночка Морозова, проявлявшая несвойственную ей сообразительность всякий раз, когда дело касалось презренного металла – вернее, говоря современным языком, презренной бумаги.

– Опять, – не оборачиваясь, заметил оператор Валера Самокатов.

– Как обычно, – сказал Крокодил Гена, закуривая очередную сигарету. – Ей-богу, уйду в хакеры!

– Не понимаю, – сказал Кац, – как можно уйти туда, где ты давным-давно обосновался?

Это была правда. Телекомпания «Северо-Запад ТВ» обладала правом на трансляцию сорока трех каналов кабельного телевидения на территории района. О том, каким образом ему удалось заполучить, а главное, сохранить за собой это право, господин Кацнельсон скромно умалчивал. Помимо упомянутых сорока трех каналов, студия транслировала сорок четвертый, единственной и неповторимой звездой которого являлась Леночка Морозова. Сетка вещания данного канала включала в себя выпуски новостей, которые вела Леночка, музыкальную передачу «Желаю вам», где Леночка интимным голосом зачитывала поздравления на фоне заставки из розочек, и программу «Полезные советы», в которой Леночка с умным видом объясняла домохозяйкам, как ободрать со стен старые обои и без проблем очистить от скорлупы вареные яйца. Еще там была реклама – как правило, даваемая бегущей строкой, но за отдельную плату озвучиваемая все той же Леночкой. Оставшееся эфирное время забивалось фильмами, которые Крокодил беззастенчиво (и бесплатно) скачивал из интернета, а также синоптическими и астрологическими прогнозами того же происхождения. Зачитываемые Леночкой «полезные советы» и кулинарные рецепты извлекались оттуда же; на большее Гена-Крокодил вряд ли был способен, и все присутствующие, включая его самого, прекрасно об этом знали.

– Обосновался, – ворчливо передразнил своего работодателя Крокодил. – Обосновался... Да если бы! Люди, между прочим, в сети реальное бабло заколачивают, а я тут батрачу на тебя, как этот...

– Бабло, бабло, – горестно повторил Кац. – Все зло в мире не от женщин, – он отвесил Леночке иронический полупоклон, – а от него, проклятого, от этого вашего любимого бабла. Ну, на что оно вам?

– Ты голову лечить не пробовал? – осведомилась Леночка, раздраженно притопывая красивой ножкой.

– А чем я, по-твоему, сейчас занимаюсь? – спросил Кац, салютуя ей пивной бутылкой и делая очередной могучий глоток.

– Козел, – бросила в бой последний резерв Леночка.

– А вот и неправда, – невозмутимо парировал Кац. – Дети мои! – тоном проповедника воскликнул он, воздев к потолку руку с бутылкой, на дне которой плескалось энное количество взбитого в густую пену пива. – Скажите, разве ваш отец вас когда-нибудь подводил?

– Ежемесячно, – не прерывая работы, сказал оператор Валера.

– Пятого и двадцатого числа, – внес необходимое уточнение злопамятный Крокодил.

– Козел, – подвела неутешительный итог Леночка Морозова.

– Неблагодарные, – с горечью констатировал Кац, разминая сигарету. – Разве я хоть раз не отдал вам того, что задолжал?

– Попробовал бы ты не отдать! – едва ли не хором проскандировал трудовой коллектив компании «Северо-Запад ТВ».

– Спелись, – пожаловался равнодушному потолку нисколько не сконфуженный Кац и со скворчанием высосал из бутылки остатки пивной пены. – Просто на удивление дружная компания! Да как вы не понимаете, что сигнализация – это не роскошь, а необходимость?! Вы только представьте, что сейчас, прямо сию минуту, сюда ворвется компания пьяных отморозков и, угрожая заточками и бутылочными горлышками, заставит Леночку петь в прямом эфире «Хеппи бездей ту ю, дорогой Кабан», а потом на радостях изнасилует нашего Крокодила...

– Почему меня? – обиделся Крокодил.

– Хорошо, тебя и Самокатова. А потом отберет у вас бумажники, вынесет отсюда всю аппаратуру и спокойно удалится...

– Много им будет проку от наших бумажников, – проворчал Крокодил.

– Да ладно вам! – воскликнул Кацнельсон. – Не будьте вы такими меркантильными! Будут вам ваши деньги...

– Когда? – немедленно спросила практичная Леночка.

– Как только, так сразу, – уклончиво ответил Кац. – Думаю, через неделю. Ну, максимум, через две.

– Козел, – повторила Леночка.

– Конченный, – увеличивая на весь экран изображение ее едва прикрытых мини-юбкой соблазнительных бедер, убежденно поддакнул Валера Самокатов.

– Козелус вульгарис парнокопытиус, – блеснул знанием латыни Крокодил Гена.

– А поработать никто не хочет? – вежливо осведомился Кац.

– Я, например, работаю, – заметил Самокатов. – В отличие от остальных.

– Зато, как все остальные, задаром, – напомнил Крокодил Воропаев.

– По-твоему, облизываться на мои ляжки – это работа? – обратилась к оператору Леночка. – Кац, уволь его за сексуальные домогательства!

– А где он другого дурака на мое место найдет? – резонно возразил Валера. – Я, между прочим...

– Хватит, – перебила его ведущая. – Что там у нас сегодня?

– Да все, как обычно, – сказал Кац, еще не подозревая, насколько это заявление далеко от действительности. – Поздравления, полезные советы... В общем, на час работы. Потом новостной блок... Самокат! Ты в курсе, что до эфира десять минут?

– Допустим, – с достоинством откликнулся оператор.

– Ты монтаж когда закончишь?

– Как только, так сразу, – сообщил мстительный Самокат.

– Ну, и кто тут козел? – ни к кому конкретно не обращаясь, пожаловался Кац.

Раздался звонок в дверь. Телевизионщики переглянулись – все, кроме Самокатова, который, наконец, взялся за ум и старательно «запиковал» эмоциональные фразеологизмы, которыми была густо пересыпана речь лишившейся любимой собачки пенсионерки Ивановой.

– Кого это черт несет? – поинтересовался Крокодил.

– А ты сходи и посмотри, – предложил Кац. – Вдруг это рекламодатель?

– А почему я?

– А кто – я? – подчеркнуто изумился Кац, коротким и точным ударом о край стола открывая новую бутылку пива.

– Значит, приезжают эти – пик! – на своем – пик-пик! – фургоне, – доносился с рабочего места Валеры Самокатова голос пенсионерки Ивановой, – достают свое – пик-пик-пик – ружье и как начнут – пик-пик! Я им говорю: пик-пик-пи-пийиик! – делаете? А они мне: шла бы ты, мать, на пик, не мешай, пик-пик, работать!

Звонок в дверь повторился. Крокодил, кряхтя, выбрался из кресла и нехотя, нога за ногу, побрел в прихожую. Студия располагалась в стандартной двухкомнатной квартире на первом этаже. Это была квартира Иосифа Кацнельсона; помимо всего прочего, он здесь жил, и раскладушка, на которой он спал, стояла за шкафом, где вперемежку с его нижним бельем хранились компакт-диски с надерганными из интернета боевиками и ужастиками и разрозненные детали давно приказавшей долго жить аппаратуры.

– Я говорю: пик-пик-пик, и пик, и пи-пик я вашу пиканую управу! – продолжала боевая пенсионерка. – Где такой закон, пи-пик вашу мать, чтоб собаку в ошейнике пийи-ип, как последнюю пий... ку?! Да я вас, пи-пик, за это пий... ком поставлю и пийиийи-ип, как последних пи-пик, чтоб знали, куда из своего пик-пик ружья пи-пийиийи...

– Самокат, – сказал Кацнельсон, – делай, что хочешь, но в таком виде это в эфир не пойдет. Что это за соло на пищалке?

– Пик, – сказала ему в ответ пенсионерка Иванова. – Пик-пик-пик я их всех, и ваше пик-пик телевидение тоже.

– Полностью с вами согласен, – пробормотал Изя Кац и глотнул из горлышка запотевшей бутылки.

– А что мне делать – вместо нее говорить? – возмутился Самокат. – Так у меня не получится. Потому что жалко. Это же не текст, а законченное художественное произведение – ни прибавить, ни отнять!

– А ты, пи...чка крашенная, засунь свой микрофон в – пийиийи! – и катись отсюда, пока я тебя вот этой пик-пик-овиной по горбу не пипикнула...

– Старая чокнутая сука, – сказала Леночка Морозова.

– Старая чокнутая пий-ка, – поправил Кац.

В комнату, пятясь, вернулся Крокодил.

– Але, народ, тут такое дело... – начал он и замолчал, пребывая в явном и решительно непонятном для коллег затруднении.

– Что там у тебя? – глотнув пива, поинтересовался Кац.

– У меня рекламное объявление, – отодвинув с дороги отчего-то ставшего чертовски неуклюжим Крокодила, сообщил отменно одетый жгучий брюнет с внешностью героя-любownika, вслед за пятящимся Крокодилом входя в студию.

– Бегущей строкой? – интимно проворковала пронизательная Леночка, узревшая в брюнете потенциального спонсора.

– Нет, – сказал посетитель. – У меня есть ролик, записанный на флэшку. И я хочу, чтобы вы немедленно пустили его в эфир. Это возможно?

– Это возможно, – на правах продюсера вмешался в беседу Кац. – Но вы хотя бы приблизительно представляете, сколько это будет стоить? Эфир расписан по секундам, и каждая секунда – это небольшой золотой слиток...

– Деньги не имеют значения, – объявил брюнет.

При этом он приподнял на уровень пояса правую руку. Это сделало понятным и объяснимым как его пренебрежение к деньгам, так и странную растерянность Крокодила Гены: в руке у посетителя обнаружился большой черный пистолет самого зловещего вида.

– Я вас умоляю, – с сильно утрированным одесским акцентом сказал Кац, на полную мощь включая свое обаяние.

Краем глаза он видел серую, как сырая штукатурка, мордашку Леночки и отвисшую челюсть Крокодила Гены Воропаева. Валера Самокат так и не обернулся; почував неладное спиной, он скорчился перед монитором компьютера в такой позе, словно хотел забраться внутрь.

– Не надо делать резких движений, мы же взрослые, разумные люди! – на правах генерального продюсера пытаюсь спасти ситуацию, продолжал Кац. – Если из-за каждого пустяка махать большим пистолетом, будет – вы знаете, что? Не знаете? Так я вам скажу! У вас таки устанет рука, вот что будет!

Внутри у него было холодно и пусто: он ясно видел, что перед ним стоит мусульманин. Даже скинхед может дрогнуть перед всесокрушающим напором еврейского обаяния в сочетании с одесским юмором; скинхед – да, может, хотя бы теоретически, а вот мусульманин – вряд ли. Пипикал он ваше жидовское обаяние, как сказала бы незабвенная пенсионерка Любовь Сергеевна Иванова.

Подтверждая его догадку, посетитель поднял свой пистолет повыше и направил ему в лоб. В таком ракурсе было хорошо видно, что пистолет настоящий – не игрушечный, не пневматический и не газовый, а самый что ни на есть боевой, и притом весьма солидного калибра. Изя Кац был человек мирный и плохо разбирался в стрелковом оружии, но смотревшая ему в переносицу черная дыра пистолетного дула на глаз смахивала на жерло полевой гаубицы.

– Поставь бутылку и принимайся за дело, иудей, – посоветовал посетитель, свободной рукой извлекая из кармана пиджака флэшку, корпус которой был выполнен в форме ключа.

Кацнельсон послушно поставил на пол около кресла полупустую бутылку, взял протянутую посетителем флэшку и пересел на пустующее место Крокодила.

– По какому каналу? – спросил он, радуясь тому, что, занятый делом, имеет полное право не смотреть на пистолет.

– По всем, – как и следовало ожидать, сказал посетитель.

Со стороны прихожей послышался топот и какая-то возня.

Кац все-таки обернулся и увидел, как в студию, теснясь, вошли еще трое кавказцев. В отличие от первого, одеты они были попроще и напоминали не то торгашей с овощного рынка, не то работяг с шиномонтажки за углом. Все трое были небриты, и каждый имел при себе вместительную спортивную сумку.

Один из них, одетый в джинсы и камуфляжную куртку с подвернутыми до локтей рукавами, обольстительно улыбаясь, двинулся грудью на Леночку Морозову. Леночка попятилась; кавказец продолжал напирать и напирал до тех пор, пока не загнал ее в угол. Второй взял за шиворот скорчившегося за своим компьютером Самоката, выдернул его из кресла, как морковь из рыхлой земли, и небрежным толчком направил туда же, составить компанию ведущей. Третий грубо пихнул в том же направлении все еще торчавшего посреди комнаты Крокодила. Толчок был сильный, но скверно рассчитанный: вместо того, чтобы упасть в объятия

теснящихся в углу коллег, Крокодил шмякнулся лопатками в стену в метре от двери, ударившись локтем о висящий на видном месте календарь с видом Иерусалима. Календарь закачался, как маятник, но не упал. Крокодил, потирая ушибленный локоть, присоединился к Леночке и Самокату.

Иосиф Кацнельсон отвернулся к монитору и на секунду обреченно прикрыл глаза. «Как глупо», – подумал он.

Красочный настенный календарь с видами Святой Земли ему три месяца назад привезли из самого Израиля. Кац не стеснялся своей национальности, но и не кичился ею; календарь с легко узнаваемыми пейзажами и надписями на иврите был нужен ему ровно столько же, сколько и любой другой – то есть не нужен вообще. Поэтому он пролежал на шкафу долгих три месяца, пока вчера, наконец, Изя Кац не повесил его туда, где он сейчас висел. Сделано это было вовсе не из-за внезапно пробудившегося национального самосознания или ностальгической тоски по родине предков, а лишь затем, чтобы прикрыть только что установленную кнопку экстренного вызова милиции.

У Каца еще оставалась слабенькая надежда на то, что Крокодил ударил локтем не по самой кнопке, а выше или ниже нее. Почему бы и нет? Существует ведь такая вещь, как везение! Да и еврейскому богу, если он есть, настало самое время вмешаться в ситуацию и немножечко помочь одному чересчур предусмотрительному иудею, который сам себя перехитрил.

– Работай, – произнес позади него главарь кавказцев, чувствительно ткнув Изю между лопаток стволом пистолета.

Кац подавил горестный вздох и, мысленно вверив себя воле Бога, в которого никогда не верил, вставил принесенный кавказцем съемный дисковый накопитель в гнездо на передней панели системного блока компьютера.

* * *

Беспрепятственно пройдя сквозь два кольца оцепления, машина остановилась перед третьим. Дальше дороги не было, о чем красноречиво и недвусмысленно свидетельствовал поставленный поперек проезжей части бронетранспортер. Его пятнистая стальная туша почти полностью закрывала обзор, вырисовываясь четким черным силуэтом на фоне слабеющего зарева пожара и тревожных красно-синих сполохов множества проблесковых маячков. Оранжевые отблески огня плясали на осколках битого стекла, которыми были усеяны тротуары по обе стороны улицы, и казалось, что на асфальте дрожат и переливаются лужицы жидкого пламени. Выбитые окна и витрины магазинов безмолвно свидетельствовали о силе недавно прогремевшего взрыва. Гражданских на улице не было: те, кого эвакуировали из дома, на первом этаже которого разместилась студия кабельного телевидения «Северо-Запад ТВ», находились за третьим кольцом оцепления, а остальные затаились в глубине своих квартир, осторожно выглядывая из окон. Это было небезопасно: в эпицентре событий постреливали.

Сейчас стрельбы не было, с той стороны доносилось только металлическое рывканье мегафона. Слов было не разобрать, их заглушал тархтящий на холостых оборотах двигатель бронетранспортера.

Генерал выбрался из машины, и к нему тотчас же подскочил милиционер в напаянном поверх пятнистого серого камуфляжа тяжелом бронежилете и каске, на поднятом пластиковом забрале которой тоже плясали отблески огня и цветные вспышки проблесковых маячков. Поперек живота у него висел укороченный «Калашников», а на плече из-под лямки бронежилета выглядывал мятый погон с подполковничьими звездами.

– Генерал Потапчук, главное управление ФСБ, – отрывисто представился Федор Филиппович, сунув ему под нос открытое удостоверение, которое держал наготове с того момента, как их первый раз остановили для проверки документов.

Подполковник козырнул и назвал свою фамилию, которую Федор Филиппович тут же забыл.

– Доложите обстановку, – потребовал генерал.

Подполковник принялся докладывать. Из его доклада явствовало, что около двадцати одного часа по московскому времени в местный отдел департамента охраны поступил экстренный вызов с так называемой «тревожной кнопки», буквально накануне установленной в студии кабельного телевидения «Северо-Запад». Выехавший по вызову наряд прибыл на место через семь минут после поступления сигнала и действовал согласно служебной инструкции: все окна квартиры, где разместилась студия, были взяты под наблюдение, после чего старший группы позвонил в дверь. Дверь открылась, сержанту выстрелили в лицо из пистолета, и дверь снова закрылась. Одновременно из всех трех окон квартиры неизвестные преступники открыли огонь по оставшимся на улице сотрудникам департамента охраны. Один из них был убит на месте; второй, тяжело раненый, скончался, не приходя в сознание, спустя десять минут, а третий вызвал по радиации подкрепление и вступил в перестрелку.

Примерно в это же время на местный райотдел милиции и общественную приемную ФСБ обрушился целый шквал телефонных звонков из этого района. Возмущенные и испуганные люди сообщали, что по всем каналам кабельного телевидения выступает какой-то бородач в камуфляже, именующий себя Джафаром Бакаевым по прозвищу Черный Волк. Этот самый волк, по словам звонивших, нагло брал на себя ответственность за организацию взрывов на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры» и, более того, грозил неверным новыми террористическими актами. У одного из звонивших оказалась отличная память, и он не преминул весьма ядовито указать дежурившему в общественной приемной офицеру на тот факт, что сообщение о ликвидации Черного Волка Бакаева прозвучало в средствах массовой информации без малого три года назад.

Телевизионное обращение Бакаева прозвучало дважды и начало звучать в третий раз, когда кто-то, наконец, догадался обесточить студию. Когда прибывший спецназ начал разворачиваться в боевой порядок, засевшие в студии террористы дистанционно взорвали припаркованную во дворе машину, начиненную гексогеном. В переговоры они не вступали, ограничившись сообщением о том, что у них есть заложники. На данный момент ситуация была патовая: террористы и заложники сидели в студии, спецназ ждал приказа снаружи, а внутри тройного кольца оцепления мало-помалу накапливался генералитет московских силовых ведомств. Концентрация шитых золотом генеральских звезд на этом залитом кровью и усеянном битым стеклом пятачке асфальта стремительно приближалась к критической массе, генералы ссорились, не желая брать на себя ответственность за принятие непростого решения, а террористы в ответ на все предложения сдаться и обещания сохранить жизнь лишь экономно постреливали из автоматического оружия.

– Не понимаю, какой дурак нажал эту тревожную кнопку, – закончил свой доклад подполковник. – Прокрутили бы они это свое обращение и спокойненько ушли...

– А кто бы их выпустил? – проворчал Федор Филиппович.

От дальнейшей полемики он воздержался. Если здесь и был дурак, то он стоял сейчас перед генералом в каске и бронежилете и городил чушь, не умея понять элементарных вещей, находившихся, помимо всего прочего, в его компетенции. Боевики должны были оставаться в студии на протяжении всего времени трансляции, иначе персонал просто прервал бы ее, как только за ними закрылась бы дверь. Обращение звучало примерно четверть часа – вполне достаточно, чтобы силовики успели отреагировать и взять студию в кольцо и без срабатывания тревожной сигнализации. Террористы точно знали, на что идут, и заранее приготовились держать оборону. Фактически, это были смертники, а это означало, что Черного Волка Бакаева среди них нет. Судя по тексту обращения, смерть от спецназовской пули не входила в его

планы на ближайшее время, поэтому он, конечно же, ограничился передачей своим бойцам записи на каком-нибудь компактном носителе, благо в наше время с этим проблем нет.

Вероятнее всего, копия этой записи уже была выложена в интернете. Но в смысле произведенного на публику впечатления выступление по телевидению и то, что происходило в данный момент на этой московской окраине, несомненно, во много раз превосходило любую, даже самую разнузданную пропагандистскую кампанию в мировой сети. Сначала тысячи телевизоров, по сорока четырем каналам принимающих одну и ту же жутковатую программу, а потом пальба, взрывы, эвакуация, трупы милиционеров и спецназовцев на асфальте, и все это наверняка снято десятками видеокамер и мобильных телефонов и еще до наступления утра станет доступно для всеобщего просмотра все в том же интернете...

Это, помимо всего прочего, вызовет у публики интерес: а что же это было за обращение, из-за которого разгорелся сыр-бор? И публика опять полезет в интернет и внимательно просмотрит соответствующий ролик, и менее чем через сутки каждый человек на планете, которого это хоть сколько-нибудь интересует, будет точно знать, с какими словами воскресший Черный Волк обратился к правоверным мусульманам и чем пригрозил москвичам. Ничего не скажешь, ловко!

А заложники, как это ни печально, в любом случае обречены. Если бы здесь был Глеб, и если бы нашелся способ как-то пропихнуть его в эту чертову студию, он бы, вполне возможно, сумел сохранить жизни этим людям. А возможно, и не сумел бы, а, наоборот, погиб вместе с ними. Федор Филиппович подумал, что вряд ли решился бы рискнуть Слепым ради ликвидации четырех боевиков и спасения такого же количества гражданских лиц, таких же рядовых исполнителей, как и те, кто взял их в заложники. К счастью, Глеб сейчас занимался другими делами на другом конце Москвы, что автоматически избавляло генерала Потапчука от необходимости принять одно из двух одинаково неприятных решений.

Если у кого-то из присутствующих здесь коллег-генералов есть под рукой специалист такого же или даже более высокого класса – в добрый час. Федор Филиппович будет этому только рад и станет держать за смельчака кулаки до тех пор, пока все так или иначе не кончится. Но это – вряд ли, вряд ли... Силовики потому и называются силовиками, что привыкли полагаться на грубую силу. Достаточно вспомнить «Норд-Ост», чтобы избавиться от иллюзий. Лес рубят – щепки летят, войны без жертв не бывает, и, если заложники погибнут, виноват в этом будет никак не палящий во всех без разбора спецназ, а исключительно исламские террористы, захватившие студию «Северо-Запад ТВ». Северо-запад – это норд-вест, и как тут, в самом деле, не вспомнить о печально знаменитом мюзикле?

На груди у подполковника захрипела прикрепленная к лямке бронезилета рация.

– Всем постам, – произнес искаженный помехами голос, – приготовиться к штурму. Повторяю, приготовиться к штурму!

– Девятый понял: приготовиться к штурму, – продублировал полученный приказ подполковник.

Судя по тому, что он не двинулся с места, принимать непосредственное участие в готовящемся мероприятии этот доблестный страж порядка не собирался. Федор Филиппович про себя порадовался этому обстоятельству: одной бестолочью с автоматом меньше, и то хлеб.

– Решили штурмовать, – сообщил подполковник. – Правильно, не век же здесь торчать... Вы бы поискали какое-никакое укрытие, товарищ генерал, а то сейчас тут такое начнется, что хоть святых выноси. У них, гадов, как минимум три «калаша», и терять им нечего. Не дай бог, заденет шальная пуля...

Бронетранспортер вдруг оглушительно взревел, обрезав конец фразы, улицу заволочло сизым, отчаянно воняющим соляжкой дымом. Разговаривать стало невозможно, да и не о чем. Подполковник махнул Федору Филипповичу рукой, потом, спохватившись, торопливо козыр-

нул и, придерживая на боку автомат, убежал туда, где вспышки мигалок сливались в сплошное дрожащее зарево.

Генерал вернулся к своей машине, уселся на сиденье боком, оставив ноги снаружи, и сунул за щеку леденец. Делать ему здесь было нечего, умнее всего было просто развернуться и уехать, но он решил остаться. Информацию об этом происшествии так или иначе придется внимательно изучить, а один раз увидеть все своими глазами, как известно, лучше, чем сто раз услышать, хотя бы и из первых уст. Первые уста не служат гарантией точности и правдивости излагаемой информации; их владелец может случайно или намеренно исказить факты, а то и просто что-нибудь забыть. Идущий на штурм спецназовец видит ситуацию совсем не так, как стоящий в оцеплении мент, механик-водитель бронетранспортера или руководитель операции. Рапорты и показания всех участников событий придется прочесть, и не единожды, чтобы обозреть картину со всех возможных ракурсов и получить о ней наиболее полное представление. Так что этот дополнительный ракурс – с переднего сиденья стоящей в сторонке от театра основных событий машины, с леденцом за щекой и камнем на сердце – тоже не будет лишним...

Бронетранспортер лихо развернулся, забравшись на тротуар, варварски взрыл колесами газон, пробороzdил углом приплюснутой стальной морды стену дома и покатился вперед. Следом, укрываясь за броней, бежали спецназовцы. В выбитые взрывом окна студии полетели газовые гранаты, и вскоре оттуда повалили густые клубы едкого дыма. В дыму послышались крики и кашель; громче всех, перекрывая даже рев бронетранспортера, кричала женщина. Потом хлопнул пистолетный выстрел, и женщина замолчала. Из дыма ударили очереди, пули с лязгом запрыгали по броне, высекая из нее длинные красноватые искры.

– Хорошо подготовились, сволочи, – с ненавистью процедил водитель, о присутствии которого Федор Филиппович, грешным делом, начисто забыл. – Даже противогазы не поленились прихватить. Заложников жалко, вся эта дымовуха им достанется...

Огонь со стороны штурмующих стих, когда бронетранспортер остановился, упершись в стену. Оказавшиеся в мертвой зоне спецназовцы, пригибаясь, побежали в разные стороны, волоча за собой стальные тросы. Крюки с лязгом зацепились за прутья оконных решеток, и бронетранспортер сразу дал задний ход. Провисшие тросы натянулись, как струны; механик-водитель плавно газанул, заставив двигатель натужно взречь, раздался протяжный скрежет, и все три искореженные решетки почти одновременно с грохотом и лязгом упали на асфальт. В ту же секунду в темноте открытого настежь, обесточенного и безлюдного подъезда сверкнула короткая рыжая вспышка. Раздался грохот взрыва, и из дверей на улицу лениво поползли клубы желтовато-серого дыма. В квартире начали бешено палить из автоматов; кто-то бросил в окно гранату, дом содрогнулся от нового взрыва, и в темноте задымленной квартиры послышался чей-то истошный вопль. Подсаживая друг друга, оставшиеся снаружи спецназовцы начали ловко забираться в окна. Стрельба в студии усилилась, в дыму мигали и бились вспышки дульного пламени, и вдруг наступила тишина.

– Все, – с удовольствием констатировал водитель.

– Да. Пожалуй, действительно все, – неохотно согласился генерал. – Все и все...

– Отчетливая работа, – продолжал восторгаться шофер. – Раз, и нету!

– В том числе и заложников, – напомнил Федор Филиппович. – Это как если бы ты попросил меня вынуть занозу из пальца, а я бы оттяпал тебе руку топором – раз, и нету! И возиться не надо, и занозы как не бывало...

Они слегка ошиблись в оценке результатов лихого спецназовского штурма: в квартире были мертвы не все. Когда слезоточивый газ вытянуло на улицу через выбитые окна и двери, обнаружилось, что один из заложников жив. Это был генеральный продюсер и отец-основатель «Северо-Запад ТВ» Изя Кац. Он лежал в луже собственной крови на замусоренном кусками штукатурки, битым стеклом и обломками аппаратуры полу рядом с перевернутым креслом.

Изголовьем ему служил пробитый осколком гранаты системный блок компьютера. Кац лежал с закрытыми глазами, зажимая скользкими от крови пальцами культю оторванной почти по локоть руки, и время от времени надсадно кашлял, выталкивая из легких остатки слезогонки. Двое спецназовцев, подойдя, склонились над ним.

– Гляди-ка, живой, – с удивлением сказал один и с легкой досадой добавил: – Надо же, всего один уцелел, и тот еврей!

– Перед богом все равны, – возразил второй, защелкивая предохранитель автомата. – А этот долго не протянет.

Лежащий на полу человек открыл глаза.

– Пик вашу мать, – очень по-русски сказал своим освободителям Иосиф Наумович Кацнельсон и тихо умер.

Глава 4

Глеб остановил воспроизведение, и человек на экране замер, подавшись вперед и набычившись, как будто готовый проломить стеклянную преграду и броситься в рукопашную. У него было смуглое лицо, почти до самых глаз заросшее черной с проседью бородой, и широкие плечи, обтянутые линялой камуфляжной курткой. Надвинутый до самых бровей козырек армейского кепи затенял глаза; фоном, как обычно в такого рода записях, служила белая простыня. Правая рука Джафара Бакаева по прозвищу Черный Волк сжимала цевье автомата, поверх кепи был повязан зеленый шарф, концы которого свешивались на плечо.

– Мир содрогнется от нашего гнева, – повторил Глеб одну из услышанных минуту назад фраз. – Каков подонок!

– Шерсти клоч со всей этой истории мы все-таки поимели, – неожиданно заявил Федор Филиппович.

– И какой он, этот клоч, большой или маленький? – без особенного энтузиазма поинтересовался Глеб.

– Приличный, – вопреки его ожиданиям сообщил генерал. – Видишь ли, какая история... В общем, с этим телевизионным выступлением у них вышел прокол. Экспертиза показала, что это не Бакаев. Голосовой отпечаток не совпадает, компьютерный анализ прижизненных фотографий и изображения, которое мы здесь имеем, выявил ряд несовпадений, в том числе в строении черепа. Конечно, современный уровень развития пластической хирургии позволяет это самое строение корректировать, но голосовой отпечаток скальпелем не подправишь, этот метод основан вовсе не на высоте тона, а на других вещах, в которых черт ногу сломит...

– Да, знаю, – кивнул Глеб. – Голосовой отпечаток – как отпечатки пальцев, он уникален и остается с человеком от рождения до смерти. Хм, неожиданно... Что же это они так топорно работают?

– Это им просто не повезло, – встал на защиту террористов генерал Потапчук. – На самом деле маскарад готовился очень тщательно. Когда после выступления лже-Бакаева по кабельному телевидению кинулись искать его прижизненные изображения и записи голоса, обнаружилось, что их нет. Он был человек военный и, даже когда возвысился при Дудаеве, не особенно рисовался перед камерами. Да и речи на митингах за него толкали другие, желающих покрасоваться перед толпой всегда предостаточно в любое время и в любой точке земного шара. Поэтому материала для анализа изначально было немного, а когда его начали искать, оказалось, что все фотографии, пленки и видеоматериалы, где мог фигурировать Бакаев, кем-то тщательно уничтожены.

– Ого, – сказал Глеб. – А у ребят длинные руки!

– То-то и оно, – вздохнул Федор Филиппович. – В общем, мы, наверное, так и гонялись бы за ветром в поле, если бы кому-то не пришла в голову счастливая мысль порыться в архиве центрального телевидения. И представь себе, там обнаружилась пленка, запечатлевшая торжественный момент вручения выпускнику военного училища Джафару Бакаеву лейтенантских погон. То есть погоны вручали всему курсу, но нашему Джафару выпала честь толкнуть перед строем прощальную речь. Выбор был, как я понимаю, очевиден: отличник боевой и политической, краснодипломник, спортсмен, красавец, член партии, да еще и нацмен... Не забывай, что это происходило еще в советские времена, вот режиссер совместно с командованием училища и решил, наверное, лишний раз подчеркнуть нерушимое единство советского народа.

– Бывают же на свете чудеса, – сказал Глеб. – Между прочим, сам факт существования пленки безо всякого анализа доказывает, что этот Лжедмитрий – никакой не Бакаев. Уж он-то, взявшись замечать следы, наверняка не забыл бы про такую улику. Момент-то был волнующий, незабываемый!

– Все наоборот, – возразил генерал. – Если бы это был настоящий Бакаев, зачем ему уничтожать доказательства того, что он – это он? В общем, это чепуха, не имеющая никакого значения. Главное, что они прокололись, и теперь мы точно знаем: это не Бакаев.

– Ну и что? – пожал плечами Глеб. – Это ведь не вы три года назад рапортовали об его уничтожении, вам от его воскресения ни жарко, ни холодно. О себе я даже и не говорю, мне-то и подавно безразлично, за кем гоняться – за Бакаевым или за кем-то, кто выдает себя за Бакаева.

– А вот мне не безразлично, – возразил генерал. – Эти сволочи и так плодятся, как тараканы. Не хватало еще, чтобы они начали воскресать! В общем, приятно сознавать, что три года назад наши люди не ошиблись и не соврали – кого грохнули, о том и доложили. Неприятно, Глеб Петрович, другое. По непроверенным оперативным данным, человек, выдающий себя за Бакаева – Саламбек Юнусов, выходец из Дагестана. Мне очень не нравится, что в последнее время в сводках подобных происшествий все чаще мелькают имена дагестанцев. Это чертовски опасно. Рядовой дагестанский боевик разбирается в вопросах ислама лучше, чем пресловутый Черный Волк. Дагестан всегда был интеллектуальным и духовным центром региона, и, когда Дагестан брался за оружие, это служило сигналом для общего выступления по всему Кавказу. Так было во все времена, и вряд ли сегодня что-то изменилось. Все последние годы режим в Дагестане был мягче, чем в Чечне или Ингушетии, однако, судя по последним событиям, все это наконец-то допекло и дагестанцев. Похоже, мы и впрямь на пороге Третьей Чеченской, и кто-то старательно подталкивает нас в спину.

– Саламбек Юнусов, – задумчиво повторил Глеб, как бы пробуя это словосочетание на вкус. – Честно говоря, впервые слышу.

– Неудивительно, – сказал Федор Филиппович. – Широкой известности этот тип еще не приобрел. Да он к ней, похоже, и не стремится, предпочитая действовать из-за кулис. Грамотный подрывник, отменный конспиратор, по имеющимся данным – ученик и сподвижник самого Черного Араба – Хаттаба. Выпускник медресе, в богословском споре способен заткнуть за пояс едва ли не любого муллу. Один из основных теоретиков и проповедников движения шахидов, прекрасный стрелок, грамотный организатор... ну, и так далее. В общем, противник серьезный.

Глеб шумно почесал подбородок, который опять сильно нуждался в бритве, и со скучающим видом посмотрел в окно, за которым моросил затяжной теплый дождик. С крыши капало, капли стучали по карнизу, выбивая на серой оцинкованной жести неровную, спотыкающуюся дробь, как будто снаружи тренировался впервые взявший в руки палочки барабанщик.

– Даже слишком серьезный для человека, о котором до сих пор никто не слышал, – заметил Слепой. – А вы уверены, что он вообще существует, этот вдохновитель доблестных сыновей и, в особенности, дочерей ислама?

– Эта информация оплачена кровью, – строго произнес Федор Филиппович. – Об его существовании, в котором ты изволишь сомневаться, первым узнал полковник ГРУ Рябинин, выполнявший задание на севере Дагестана. Рябинину передали приказ установить местонахождение Юнусова и, если представится возможность, ликвидировать его. Полковник подтвердил получение приказа и больше на связь не выходил. А через две недели в военную прокуратуру в Хасавюрте кто-то непонятным способом подбросил компакт-диск с видеороликом, запечатлевшим казнь Рябинина. Видно было, что его долго пытали, а потом, как у них заведено, поставили на колени и выстрелили в затылок. Никаких требований, никакого пояснительного текста запись не содержала: видимо, Юнусов и его присные решили, что все понятно и так.

– Да уж куда понятнее, – хмыкнул Глеб. Журнальный столик перед ним был накрыт чистой, уже кое-где запятнанной оружейным маслом тряпицей. На тряпице были разложены детали идеально вычищенного и любовно смазанного пистолета. Вернувшись к прерванному просмотром видеообращения лже-Бакаева занятию, Сиверов начал собирать пистолет, нето-

ропливо и тщательно перетирая каждую деталь куском мягкой ветоши. – Странная, однако, птица этот ваш Юнусов, – продолжал он под негромкие щелчки и позвякивания вороненого металла. – Вынырнул вдруг, ниоткуда, словно с неба свалился. Очень странно, что я впервые слышу о фигуре такого масштаба. Или я что-то упустил?

– Вряд ли, – произнес Федор Филиппович, с удовольствием наблюдая за тем, как спокойно и уверенно работают его руки. – Просто он действительно хорошо законспирирован – не полевой командир, а деятель подполья, своего рода мозговой центр. Даже в «лесу» о нем знают считанные единицы. Если верить переданной Рябининым информации – а оснований не верить ей, повторяю, нет, – вся родня Юнусова погибла еще во время первой чеченской кампании. Он один, как перст, что существенно затрудняет его поиск. И, как видишь, он вовсе не стремится облегчить нам работу, выступив под собственным именем и показав свое лицо. Это, – он указал на экран, где по-прежнему красовался воинственный бородач с автоматом в загорелой ладони, – скорее всего, обыкновенный статист, нанятый для создания и подкрепления красивой легенды о нестигаемом старом бойце – Черном Волке Бакаеве.

Глеб загнал в рукоятку обойму, передернул ствол, досылая патрон, аккуратно спустил курок и поставил пистолет на предохранитель.

– Да, – сказал он, насухо вытирая оружие чистой тряпкой, – шума эта «легенда» надделала предостаточно. А главное, в результате наша контора оказалась в дурацком положении. Кричать на весь мир, что это никакой не Бакаев, бесполезно – во-первых, не поверят, а во-вторых, какая разница? Захват телестудии был, подрывная речь в прямом эфире была, перестрелка была, количество и имена жертв известны... Так кому какое дело, кто все это устроил – Бакаев, Юнусов или лично Усама бен Ладен? Удар нанесен, цель достигнута, и кому нужны оправдания: это-де не Бакаев, это, граждане, фальшивка, статист? Трупы-то не фальшивые, и шахидки в метро взорвались не понарошку... – Он сделал движение, словно хотел раздраженно отшвырнуть пистолет, но в последнее мгновение сдержался, аккуратно положил его на стол и принялся энергично вытирать ветошью ладони. – Чаю хотите?

– Чаю? – Федор Филиппович, привыкший к тому, что Слепой не пьет ничего, кроме крепчайшего кофе, удивленно приподнял брови, но тут же спохватился: – А, в образходишь? Ну-ну. И чай, небось, зеленый.

– Всенепременно, – подтвердил Глеб, вставая с дивана и направляясь в угол, где у него было устроено что-то вроде оснащенной по последнему слову техники холостяцкой кухни. – Я на него смотреть не могу, ей-богу, с души воротит, но надо привыкать. Так вам заварить?

– Завари, – согласился Федор Филиппович. – Почаевничаем, поменяемся на время местами. Не все же мне, на твой кофе глядя, слюной захлебываться! Теперь я буду получать удовольствие, а ты – мне завидовать. Я-то к чаю уже привык...

Глеб наполнил и включил электрический чайник, а потом прибрал со стола, то есть скомкал и выбросил в мусорное ведро замасленную ветошь и убрал с глаз долой пистолет. Двигался он, странно сутулясь, и Федор Филиппович заметил, что его лучший агент отчаянно нуждается не только в бритве, но и в стрижке. Выглядел он не как офицер ФСБ, а как гражданский охламон, какой-нибудь пропойца-слесарь из глубинки, неизвестно каким ветром занесенный в центр Москвы. Место такому персонажу было где-нибудь на оптовом вещевом рынке, а никак не в этой уютно обставленной, скрывающей множество тайн и сюрпризов мансарде старого дома, расположенного в двух шагах от Арбата.

Дождь за окном усилился, неуверенный перестук капель слился в быструю дробь, как в цирке перед исполнением смертельного номера. Чайник зашумел, забурился, выбросив султан пара. Струя кипятка, плюясь злыми брызгами, пролилась в пузатый заварочный чайник. Слепой накрыл его полотенцем и, по-прежнему сутулясь, как большая, небрежно одетая обезьяна, вернулся к столу.

– Тебя трудно узнать, – отправляя за щеку леденец, заметил генерал. У него был очередной период обострения: курить хотелось постоянно, со все возрастающей силой, и он почти непрерывно сосал леденцы, которые, естественно, ни от чего не помогали. – Однако на кавказца ты все равно не тянешь. Издалека – может быть, но вблизи – ничего похожего.

– Я знавал одного азербайджанца, – сообщил Глеб. – Давно, еще в военном училище, на первом курсе. Так вот, он был рыжий, бледный, конопатый и откликался на фамилию Петров. Но при этом был едва ли не больше азербайджанцем, чем коренной житель Баку – по-русски говорил еле-еле, обожал выстукивать лезгинку ладонями по табуретке и плясать под этот аккомпанемент, презирал русских и ненавидел две вещи – армян и работу. Кроме того, я не настолько самонадеян, чтобы пытаться сойти за кавказца. В этом веселом регионе два случайных, впервые встретившихся человека за полторы минуты найдут сотню общих знакомых, друзей и даже родственников. Пользоваться легендой в таких условиях – это все равно что гулять с завязанными глазами по комнате, где полно растяжек. Как ни осторожничай, какую-нибудь все равно заденешь, и – ба-бах... Вам с сахаром?

– Да, если не жалко, – сказал Потапчук. – И что ты намерен предпринять в связи с вышеизложенным?

– Действовать по плану «бэ», – заявил Сиверов, ставя перед ним сахарницу. – Мне нужна поддержка в средствах массовой информации. У вас нет знакомого редактора в какой-нибудь программе криминальных новостей?

– Поищем, – пообещал генерал, краем уха вслушиваясь в перестук капель по карнизу, теперь почему-то напоминавший ему торопливую, сбивчивую, передаваемую в большой спешке, будто из вражеского тыла, морзянку. За стеклом, забившись в угол оконного проема, нахохлившись и втянув голову в плечи, сидел мокрый голубь. Зрелище было неприятное; Федору Филипповичу даже почудился памятный с детства запах перьев и затхлости, и он переключил внимание на чашку, в которую Глеб только что налил зеленого чая. Чай приятно выглядел и вкусно пах, но до кофе ему было далеко. – Не найду, так познакомлюсь – долго ли умеючи!

– И то правда, – согласился Глеб. – Музыку?

– Уволь, – взмолился генерал. – Я сюда пришел о деле говорить, а не музыку слушать. Хотелось бы знать, что это за план «бэ», к осуществлению которого я должен привлечь телевидение. Учти, что после инцидента с «Северо-Западом» это будет непросто. Средства массовой информации просто-таки бьются в истерике. До захвата, небось, с этими беднягами из «Северо-Запад ТВ» даже кивком поздороваться считали зазорным, а теперь вспомнили про журналистскую солидарность и костерят нашего брата на чем свет стоит.

– Демократия, – опустив глаза в чашку, на которую сосредоточенно дул, сочувственно поддакнул Сиверов. – При Андропове, небось, и пикнуть не посмели бы!

– Ближе к делу, если можно, – ворчливо напомнил генерал. – Как ты намерен выйти на Юнусова?

Глеб все-таки глотнул чая, поморщился и поставил чашку на блюдце.

– Я не случайно вспомнил Андропова, – сказал он. – В те времена проблемы исламского терроризма в нашей стране не существовало – по крайней мере, официально. Зато террористы водились, хотя и не в таких количествах. Одни захватывали самолеты с оружием в руках и требовали везти их в Турцию, другие выдвигали аналогичные требования, пугая экипаж куском хозяйственного мыла... Первых расстреливали, вторых запирали в психушке, и никто при этом не интересовался их вероисповеданием.

– Хорош чаек, – похвалил Федор Филиппович. – Кажется, я начинаю понимать, куда ты клонишь. Вообще-то, на высшую меру у нас мораторий, а публичных казней не было с тех пор, как повесили последнего избличенного полицая, но, если нужно для дела, можно

сделать исключение. Обещаю, что твой расстрел будет должным образом освещен в средствах массовой информации.

Глеб сделал вид, что поперхнулся чаем.

– Вот спасибо, – сказал он, прокашлявшись. – Вообще-то, умирать я не планировал, даже понарошку. Я уже столько раз это делал, что мне теперь никто не поверит, даже если я на самом деле при свидетелях протяну ноги.

– Ага, – сказал Федор Филиппович тоном человека, которому наконец-то открыли глаза. – Надо же, а я-то голову ломаю: как же это он, думаю, собирается выполнить задание, лежа в морге? Ладно, шутки в сторону. Излагай, что ты там надумал.

Глеб осторожно пригубил чай, вздохнул, вернул чашку на стол, решительно отодвинул ее подальше и начал излагать. Слушая его, Федор Филиппович покосился на окно. Голубя там уже не было – не то улетел искать местечко посуше, не то издох от какой-нибудь птичьей болезни, а то и просто от старости, и свалился вниз. Генерал преодолел желание выглянуть наружу и посмотреть, не валяется ли он на тротуаре под окном, и заставил себя сосредоточиться на том, что говорил Сиверов.

* * *

Потрепанный милицейский «уазик» стоял, забравшись двумя колесами на уже начавший понемногу выгорать и жухнуть газон, в жидкой тени пирамидальных тополей, которыми была обсажена улица. Передние окна с обеих сторон были сняты, но едва ощутимый сквозняк не приносил облегчения: в салоне все равно было жарко, как в раскаленной духовке. Мимо, шурша колесами по сухому асфальту, проезжали автомобили, и полуденное солнце горело в их стеклах и хромированных деталях слепящими, злыми бликами. Пахло пылью, выхлопными газами и жарящимся где-то поблизости шашлыком. Последний запах без особой необходимости напоминал о том, что и так не могли забыть присутствующие, а именно что сегодня у них выходной, и что любой из них без труда нашел бы себе куда более веселое и продуктивное занятие, чем сидеть в прокуренном, душном салоне, дышать выхлопными газами и ждать неизвестно чего.

– На море сейчас хорошо, – нейтральным тоном сообщил с заднего сиденья старший сержант Зарипов, утирая несвежим носовым платком обильно потеющий лоб, щеки и шею. – Ветерок, вода, девушки...

– Не начинай опять, ладно? – не оборачиваясь, попросил сидевший за рулем Рамзан Якубов. – Скажи, что для тебя сделать, я все исполню, только не ной! Не хочешь тут оставаться, иди на море, показывай девушкам свои кривые ноги и волосатое пузо...

– Что я сказал, э?! – немедленно завелся Зарипов. – Я сказал: на море хорошо. Это правда, нет? Здесь тоже хорошо, но на море лучше, вот что я сказал, а ты: ноешь, ноешь... Когда я ныл, скажи?

– Э, – досадливо произнес Рамзан и закурил, хотя дышать в машине и без того было нечем.

Их было здесь четверо; все они были одеты по форме, вооружены, все много курили и обильно потели, что тоже не озонировало воздух. Все они при этом злобно нарушали должностные инструкции, а заодно и неписанный закон круговой поруки. Это было весьма рискованно, но никто не жаловался: Рамзана Якубова попросил о помощи земляк, а Рамзан Якубов попросил о помощи их, и этим все было сказано. Когда хороший человек просит тебя о помощи, это честь, а отказать ему – несмыываемый позор. У людей крепкая память; однажды придет день, когда ты будешь кричать со дна ямы, взывая к прохожим, но никто из них не подаст тебе руки, помня, как ты бросил на произвол судьбы человека, который в тебе нуждался.

Кроме того, все четверо, включая Рамзана, были почти на сто процентов уверены, что из опасной затеи Мамеда Джабраилова все равно ничего не выйдет. Те, на кого он решил поохотиться, уже не первый год благополучно бегали от российских спецслужб, и дилетантский замысел молодого доктора, затеявшего собственную контртеррористическую операцию, был заведомо обречен на провал. Здесь, на людной улице, среди бела дня наказывать его за самонадеянность никто не станет. Это значит, что помощь потеющих в машине милиционеров Мамеду и его сестре не понадобится, а это, в свою очередь, означает, что самим милиционерам нечего опасаться мести...

Рамзан Якубов курил, выставив в окно смуглый загорелый локоть и стряхивая пепел на мостовую. Горячий ветерок от проезжающих машин катал невесомые белесые цилиндрики, норовя загнать их под «уазик»; ударяясь о торчащие из асфальта крошечные камешки, цилиндрики рассыпались в светлую пыль, и очередной порыв ветра разносил ее во все стороны, делая невидимой.

Первый этап задуманного Мамедом безумного плана прошел, как по маслу. Для этого оказалось достаточно просто намекнуть невезучей Загидат Евлоевой, что сестра Мамеда Залина находит поступок Марьям Шариповой и Джанет Абдуллаевой, взорвавших себя в московском метро, высоконравственным, свидетельствующим о глубокой религиозности и верности идеалам ислама, а значит, достойным подражания. На следующий день об этом знало все Балахани, а спустя еще двое суток о Залине осторожно заговорили в окрестных селениях по всему Унцукульскому району, в самом райцентре и даже в Махачкале. Мнения высказывались разные, но одинаково сдержанные: слишком рьяно осуждать Залину было не менее опасно, чем одобрять. Все, однако, соглашались, что это – дело самой Залины и ее семьи, в которое посторонним соваться ни к чему.

Со слов Мамеда Рамзан Якубов знал, что Залине крепко досталось от отца, который, указывая на дом отца погибшей учительницы Расула Джафарова, спросил, хочет ли дочь причинить своим родным такое же горе, как то, что выпало на долю несчастных Расула и Патимат. Залина, у которой и в мыслях не было ничего подобного, заливаясь слезами, искренне заявила, что не хочет. Мамед, который все это затеял, на правах старшего брата обещал денно и ночью за ней присматривать и, если что, выбить дурь у нее из головы. На взгляд Рамзана Якубова, он действительно сошел с ума, и спасти его могла только очевидная глупость этой затеи: возможно, у тех, против кого она направлена, «операция» Мамеда не вызовет ничего, кроме здорового смеха...

В самом деле, на успех Мамед мог бы рассчитывать, только обратившись за помощью в ФСБ. Но связываться с федералами этот гордец не захотел, хотя как раз они-то, наверное, приняли бы предложенный им план с восторгом. Но он их, видите ли, не уважает; он им, видите ли, не верит; он, видите ли, считает, что федералам наплевать и на Залину, и на него, и на всех вокруг, и что ради достижения своих целей они с легким сердцем пожертвуют всем населением Махачкалы, не говоря уже о Балахани, лишь бы в их драгоценной Москве людям жилось тихо, спокойно и еще более богато, чем сейчас... Э! Мамед, конечно, кругом прав, но дела это не меняет: помочь ему расквитаться с убийцами Марьям могут только федералы. Обеспечить ему после этого личную безопасность не смог бы, наверное, даже всемогущий Аллах, но кто думает о своей шкуре, когда речь заходит о мести?

Параллельно Рамзан продолжал размышлять о странном сигнале, поступившем в Кировский РОВД в день, когда исчезла Марьям. Его дядю, Расула Якубова, тогда вместе с сыновьями взяли из его городского дома и доставили в отделение, обвиняя в пособничестве террористам. Его тезка и хороший приятель, отец Марьям Расул Джафаров в тот день гостил у него, и именно его звонок заставил Патимат и Марьям приехать из Балахани сюда, в Махачкалу. Как Рамзан и говорил Мамеду, от того, был сигнал на самом деле или нет, картина менялась очень мало. Такой сигнал в любое время может поступить на любого жителя горного селения. К тебе в

дом приходит знакомый; ты можешь знать, что он явился из «леса», а можешь и не знать, но это ничего не значит – ни для тебя, ни для федералов: древний закон гостеприимства велит тебе усадить гостя за стол и напоить чаем, а закон Российской Федерации трактует этот поступок как прямое пособничество террористам – как минимум, укрывательство... Рамзану, как и большинству тех, кого он знал, случалось поступать подобным образом, но он (как и упомянутое большинство) продолжал оставаться на свободе и даже служить в милиции. Стучать на соседей – не лучший способ заработать уважение людей и сохранить здоровье; тот, кто на это отважился, должен иметь веские причины и вполне конкретную цель. Дискредитировать уважаемого человека, главу администрации Балахани доносом, который уже через пару часов официально признали ложным, заведомо невозможно, и вряд ли главной мишенью доносчика был дядя Расул. Неужели это действительно был способ выманить из дома Патимат и Марьям?

– Я слышал, те взрывы в Москве устроил какой-то Саламбек Юнусов, – сказал старший сержант Зарипов, скрипя старыми пружинами сиденья в безуспешных попытках пристроить поудобнее свой костлявый зад. – Поговаривают, будто он воевал с самим Хаттабом, а потом организовал целую сеть вербовки и подготовки шахидов. Вот кто нужен твоему земляку, Рамзан!

– А я слышал, что все, кто воевал вместе с Хаттабом, сегодня находятся там же, где и он, – сдержанно возразил Рамзан, слегка недолюбливавший Зарипова за чересчур длинный, прямо как у невесты Загидат, язык и перенятую неизвестно у кого манеру постоянно жаловаться на жизнь. – И еще я слышал, будто в Москве по телевидению выступил Черный Волк – Бакаев, который взял на себя ответственность за эти взрывы. По-моему, и то, и другое – вранье. Федералы уничтожили Черного Волка почти три года назад. Даже если произошло чудо и он остался жив, вряд ли у него хватило бы пороха объявиться в Москве и прямо заявить о своем возвращении. С его известностью такая выходка – прямая дорога на тот свет. И на этот раз без обратного билета...

– Правильно! – поддержал его сидевший рядом с Зариповым Магомед Юсуфов, самый младший из их компании как по возрасту, так и по званию. – И этот Саламбек того же поля ягода. Все про него говорят, и никто не знает, кто он такой и откуда. Говорят, вся его родня погибла во время бомбежки еще в Первую Чеченскую. Э! Он что, всех нарочно собрал, посадил в доме, а сам прыгал вокруг и кричал русским летчикам: сюда, сюда бомби, вот на эту крышу, пожалуйста, сделай одолжение!

– Думаешь, что говоришь, – одернул его четвертый член экипажа, старшина Умаров, на правах старшего по званию занимавший «хозяйское» место справа от водителя.

– Я и думаю! – упрямылся младший сержант. – У тебя сколько родни – пятьдесят человек, сто? Видишь, так, сразу, и не сосчитаешь. И я не сосчитаю. А добавь сюда соседей, знакомых – что получится? Правильно, половина Дагестана! Как может быть, чтобы всех одной бомбой накрыло, и не тут, в Дагестане, а в Чечне? Почему никто не помнит Саламбека Юнусова, не может сказать, что он за человек? Где он вырос – в подвале? В лесу? На вершине горы? Кто его видел – Хаттаб? Очень удобно сослаться на человека, который уже не может ни подтвердить твои слова, ни опровергнуть!

– А кто, по-твоему, устроил эти взрывы – снежный человек? – лениво поинтересовался старшина Умаров.

– По-моему, это сделали сами русские, – заявил в пылу спора забывший об осторожности Юсуфов. – Федералы. Так же, как американцы, скорее всего, сами протаранили самолетами свои небоскребы, чтобы напасть на Афганистан. Они просто хотят снова ввести сюда войска...

– Вот теперь ты точно не думаешь, что говоришь, дорогой, – вполголоса заметил Рамзан Якубов. Подобные мысли не раз приходили ему в голову, но он остерегался их озвучивать, помня наставления отца и дяди Расула, не устававших повторять, что уши есть даже у стен. Особенно часто они напоминали об этом Рамзану с тех пор, как он оставил большой спорт

и устроился в милицию. – Вообще, это не нашего с тобой ума дело. Об этом пусть думают генералы, а наша работа – следить за порядком.

На противоположной стороне улицы остановилась пыльная зеленая «ГАЗель», за облепленным разбившейся мошкаркой ветровым стеклом которой белела обтерханная, намалеванная от руки табличка с указанием населенных пунктов, через которые пролегал маршрут. Боковая дверь, рокоча, отъехала в сторону, а потом с лязгом захлопнулась, как крышка жестяного гроба. Маршрутка выплюнула из выхлопной трубы облако дыма и укатила, заметно кренясь на правый борт. На газоне остались двое: одетый с провинциальным щегольством молодой человек и юная девушка в длинной юбке и хиджабе. Мамед Джабраилов огляделся и, отыскав взглядом знакомый «уазик», на мгновение задержал на нем обманчиво равнодушный взгляд.

– Вон они, – сказал Рамзан Якубов и повернул ключ зажигания.

Стартер захвохтал, с натугой проворачивая тяжелый вал, и умолк, спасовав перед явно непосильной задачей.

– Э! – воскликнул Рамзан, ударив ладонью по облупленной баранке. – Что делаешь?! Только не сейчас, слушай! Заводись, пожалуйста, прошу тебя, как человека!

Вопреки обыкновению, пожилой отечественный внедорожник внял увещаниям водителя. Повторный поворот ключа заставил мотор натужно взреветь, наполнив машину неровной вибрацией; Рамзан ослабил давление на педаль, обороты упали, и движок затарахтел ровнее и тише.

– Полтора часа, – не оборачиваясь, с просительной интонацией обратился Рамзан к коллегам. – Самое большее, два. Сейчас они немного погуляют по центру и поедут назад, в Балахани. Тогда я развезу вас по домам...

– До следующего раза, – хмыкнул старшина Умаров. – Паренек выглядит упрямым, он так просто не сдастся.

– Я ваш должник, – сказал Рамзан. – Ну, что делать, если он такой ишак! Я ему сто раз говорил, а он не слушает. Не могу же я его бросить одного! А вдруг этот его план все-таки сработает?

– Не хотелось бы, – вторя мыслям Рамзана, пробормотал с заднего сиденья старший сержант Зарипов.

Залина что-то говорила брату, показывая рукой на противоположную сторону улицы. Рамзан посмотрел, куда она указывает, и подавил горестный вздох: эти глупые дети старательно разыгрывали свой любительский спектакль, повторяя буквально каждый шаг покойной Марьям. Залина показывала на тот самый магазин, куда, если верить словам Патимат Джафаровой, перед своим необъяснимым исчезновением зашла Марьям. «Ишак, – жалея, что ввязался в эту чепуховую историю, подумал о старом друге Рамзан. – Глупый, упрямый ишак, и больше ничего!»

Залина перешла улицу и скрылась в магазине. Немного помедлив, Мамед Джабраилов последовал за сестрой. Перед тем, как войти в магазин, он оглянулся и бросил на «уазик» долгий, многозначительный взгляд. «Ты еще ручкой помаши, – с досадой подумал Рамзан. – Самый настоящий ишак!»

Позади, скрипя пружинами, опять завозился Зарипов. Потом он вполголоса помянул шайтана. Сидевший рядом с ним Магомед Юсуфов коротко зашипел от боли, а следом послышался характерный лязг, который было невозможно с чем-то перепутать: похоже, Зарипов уронил автомат, и тот, падая, больно съездил соседа по колену.

– Куда ты ползешь, шайтан! – кряхтя, костерил свое табельное оружие неуклюжий старший сержант. – Как живой, клянусь, так и норовит под сиденье спрятаться! Стой, тебе говорю!

Он тяжело возился сзади, толкаясь плечами и локтями в спинки сидений и огрызаясь на Магомеда, который пытался ему помочь. Рамзан и старшина одновременно оглянулись, чтобы

посмотреть, в чем проблема: помочь старшему сержанту они, естественно, не могли, но и остаться безучастным не было никакой возможности.

В этот момент появившийся словно бы ниоткуда дряхлый «фольксваген» с пустой грузовой платформой, завизжав тормозными колодками, остановился у обочины прямо перед «уазиком». Загорелись белые огни заднего хода, дребезжащая немецкая полуторка попятилась и замерла в полуметре от радиатора милицейской машины.

– Вот баран, – прокомментировал действия водителя «фольксвагена» Рамзан, кладя ладонь на рычаг коробки передач, чтобы сдать назад и объехать неожиданно возникшее на пути препятствие.

Сзади, почти вплотную к его заднему бамперу, резко остановился белый джип, вид которого наводил на мысль об угоне, совершенном где-нибудь в Москве – то есть сначала в Европе, а потом уже в столице Российской Федерации.

– Сейчас разберусь, – с угрозой в голосе пообещал Умаров, кладя ладонь на дверную ручку. – Разве не видят, что тут милиция! Я им покажу, как мешать представителям правоохранительных органов нести службу! Совсем власть не уважают, что хотят, то и делают!

Его намерениям не суждено было осуществиться. Этому воспрепятствовала «ГАЗель», которая остановилась слева от них, окончательно закрыв классическую «коробочку». Не хватало только машины справа, но ее с успехом заменяли росший на газоне тополь и высокий кирпичный забор чьей-то усадьбы. «ГАЗель» была пассажирская, баклажанного цвета, с синей полосой вдоль борта, на которой белыми буквами было написано слово «МИЛИЦИЯ». Ниже красовался герб Махачкалы, порядковый номер и еще одна надпись белыми буквами, которая гласила: «Кировский РОВД г. Махачкалы».

Эта надпись почему-то очень не понравилась Рамзану Якубову, но он не успел разобраться в своих ощущениях, потому что дверца микроавтобуса открылась, и оттуда легко выпрыгнул незнакомый ему майор – дочерна загорелый, усатый, поджарый, как гончая или горный волк, с кобурой, сдвинутой на живот, как у офицера битого немецкого вермахта. Сделав всего один шаг, майор очутился лицом к лицу с Рамзаном, отделенный от него только дверцей «уазика», с которой по случаю жары было снято стекло.

Справа, небрежным толчком захлопнув дверь, которую так и не успел толком открыть старшина Умаров, возник еще один милиционер. Погоны у него были капитанские, а физиономия такая, что впору детей пугать. Рамзан, и сам отличавшийся крепким телосложением, по достоинству оценил ширину и крутизну плеч, на которых капитанские погоны выглядели какими-то ненастоящими, будто игрушечными, а также толщину перевитых узловатыми веревками могучих мускулов предплечий, что выглядывали из коротких рукавов летней форменной рубашки. Ручищи у капитана были волосатые, как у самца гориллы, а череп – выбритый до зеркального блеска. Из-под околыша фуражки по лоснящимся вискам стекали капли пота.

– Халтурим, сержант? – с нехорошей улыбкой поинтересовался майор, недобро поблескивая притаившимися в тени козырька глазами. – Используем служебное положение в личных целях?

Рамзан открыл рот, чтобы ответить, но не успел даже этого: справа послышался приглушенный хлопок, и отброшенный выстрелом старшина Умаров, пачкая все вокруг себя кровью, хлеставшей из простреленной головы, навалился на него всем своим немалым весом.

– Это нехорошо, – закончил свою речь майор, поднял руку и выстрелил Рамзану Якубову в лицо из старого, но безотказного армейского «кольта» с глушителем.

Сидевший позади Рамзана младший сержант Магомед Юсуфов попытался передернуть затвор автомата, и тут его сосед и коллега, старший сержант Зарипов, коротко, без замаха ударил его в бок ножом. Юсуфов ахнул, словно от удивления, и выронил автомат. Зарипов ударил второй раз; широко открытые глаза младшего сержанта стали бессмысленными, разинутый рот искривился в мучительной гримасе, и из него на подбородок волной хлынула темная кровь.

Гориллоподобный капитан добил его выстрелом в голову и прицелился в искательно улыбающегося, забрызганного чужой кровью Зарипова.

– Не надо так шутить, – пробормотал старший сержант, глядя в черный зрачок пистолетного дула. – Я все сделал, как договаривались.

– Мы с тобой ни о чем не договаривались, – сказал майор. Это была правда: и его, и капитана Зарипов видел впервые. – И потом, сам подумай: ну, что ты скажешь, когда тебя спросят, как было дело? Из четверых выжил один, да и на ноже твои отпечатки...

– Я... – начал старший сержант, преданно глядя в затененные козырьком глаза, но не договорил: капитан, от которого он опрометчиво отвернулся, хладнокровно спустил курок.

Зарипов ткнулся лицом в спинку переднего сиденья и затих.

Солнце ярко светило с ясного полуденного неба, листва пирамидальных тополей блестела в его лучах, как окрашенная в темный защитный цвет стальная чешуя. По улице сновали взад-вперед автомобили, шли, переговариваясь и смеясь, легко одетые люди. Они обходили стороной две стоящие бок о бок милицейские машины, подле которых топтался угрюмый и потный автоматчик в бронежилете. Картина была привычная и уже давно не вызывала никаких чувств, кроме желания держаться подальше.

Происходящая среди бела дня на глазах у всего города кровавая работа заняла не более полутора минут, после чего нагруженная трупами милицейская «ГАЗель» фыркнула глушителем и укатила. Грузовой «фольксваген» тоже удалился в неизвестном направлении, громяхая разболтанными бортами и, как подбитый «юнкерс», волоча за собой шлейф густого черного дыма.

Белый джип сдал назад, круто вывернул передние колеса, объехал милицейский «уазик» и остановился перед дверью магазина, в котором несколько минут назад скрылись брат и сестра Джабраиловы. «Уазик» остался стоять на прежнем месте, забравшись двумя колесами на газон в призрачной тени пирамидального тополя. Его дверцы были закрыты; из переднего окошка со стороны водителя, как и прежде, торчал загорелый локоть и выплывали клубы табачного дыма. На пыльном асфальте проезжей части напоминанием о Рамзане Якубове и его коллегах осталось несколько пятнышек крови, которые быстро темнели и подсыхали на щедром солнце Северного Кавказа.

Глава 5

– Ну, извини, – слышался в телефонной трубке голос Глеба. – Кто же мог знать, что у них здесь такой кавардак в документации? Черт ногу сломит, честное слово! И я, как обычно, должен ковыряться в этом мусоре до тех пор, пока окончательно во всем не разберусь и не расставлю все по своим местам... Ты себе представить не можешь, какая это скука!

Слышимость, несмотря на огромное расстояние, была превосходная, и Ирина Быстрицкая уже не впервые подумала, как далеко и стремительно ушли технологии на протяжении жизни всего одного поколения. Она еще очень хорошо помнила, как звонок по межгороду приходилось заказывать у оператора и часами ждать соединения. А тех, кто не имел у себя дома телефона (то есть подавляющее большинство населения огромной страны), вызывали на переговоры специальной телеграммой, и людям приходилось идти на почту и, опять же, терпеливо ждать зычного оклика телефонистки, которая укажет номер кабины, а потом, вполне возможно, станет просто так, от скуки, подслушивать разговор. Впрочем, вольно или невольно эти разговоры подслушивали все, кто находился в здании почты: качество связи тогда оставляло желать лучшего, голоса терялись и глохли в тысячах километров проводов, и приходилось орать во всю глотку и по сто раз переспрашивать одно и то же, теряя драгоценные, строго лимитированные минуты соединения...

– Это хорошо, что скука, – сказала Ирина, прижимая трубку к уху плечом. В руке у нее был нож, которым она быстро и сноровисто нарезала овощи, на холодильнике мерцал цветным экраном работающий телевизор. Звук был выключен, чтобы не мешал разговору, и диктор, как рыба в аквариуме, беззвучно шевелил губами, открывая и закрывая рот. – Есть стимул поскорее закончить работу и вернуться домой. Что это такое, в самом деле? Я тут уже две недели одна, а он там прохлаждается и кормит меня байками про путаницу в документации! Я вот позвоню твоему генералу и поинтересуюсь, с каких это пор ты заделался специалистом по делопроизводству!

– Молодец, что предупредила, – деловитой скороговоркой пробормотал Глеб. – Надеюсь, я успею дозвониться ему первым и попросить, чтобы он меня прикрыл. Федор Филиппович не откажет, он добрый. Должен же я помочь девочкам... эээ... разобраться с бумагами!

– Болтун, – усмехнулась Ирина. – Виски седые, а все туда же: девочек ему подавай!

– Ты же сама говорила: седина в бороде – бес в ребро, – напомнил Глеб.

Продолжая перешучиваться с мужем, который, насколько ей было известно, в данный момент находился где-то за Уральским хребтом, разбирая завалы, возникшие в работе местного управления ФСБ, Ирина параллельно думала о том, что в их с Глебом случае угроза позвонить начальству и вывести, таким образом, подозрительно долго отсутствующего супруга на чистую воду есть не что иное, как пустой звук. Глебу незачем просить генерала Потапчука, чтобы тот его прикрыл; у них все заранее обговорено до мелочей, и добиться от этой парочки правды, верно, не сумела бы даже святая инквизиция с ее богатейшим пыточным арсеналом. Бумаги какие-то выдумали... Ах, как хорошо и удобно было бы верить, что все именно так и есть, что свое рабочее время Глеб проводит в тиши уютного кабинета или среди пахнущих бумажной пылью архивных полок, занимаясь, как он утверждает, сугубо умственной аналитической работой!

Временами Ирина действительно начинала в это верить, потому что ей очень этого хотелось. Конечно, для аналитика Глеб слишком часто выезжал в длительные командировки, но, с другой стороны, ФСБ – это не отдел демографической статистики при окружной управе, и анализировать мужу приходится не перспективы роста финансовых инвестиций в малый бизнес. А, да что об этом думать! Пытаться понять, чем он занимается в этих своих командировках, это то же самое, что гадать, как выглядят обитатели какой-нибудь Проксимы Центавра

или Бетельгейзе: сочинить можно все, что угодно, а проверить ничего нельзя. Оружия в доме не осталось – по крайней мере, на виду, – и, может быть, Глеб не лжет, утверждая, что уже давно не стреляет за пределами тира и стрельбища...

Закончив разговор, Ирина положила трубку и взялась за овощи всерьез, торопясь поскорее покончить с готовкой. Нож так и мелькал у нее в руках, поблескивая в падающем из окна солнечном свете и мелко постукивая по разделочной доске. Диктор на экране телевизора продолжал беззвучно шевелить губами; спохватившись, Ирина взяла пульт и включила звук: бормочущий телевизор создавал эффект присутствия в квартире кого-то еще, заполняя пустоту, которая с годами все сильнее ее тяготила. Многие знакомые Ирины считали, что, чем меньше времени муж проводит дома, тем лучше – лишь бы деньги приносил исправно и не шастал по бабам, а так пусть хоть и вовсе не появляется, не мозолит глаза. Разумеется, оставаясь одна, Ирина умела себя занять и развлечь, но без Глеба все это казалось пустым, скучным и ненужным.

По телевизору передавали выпуск криминальных новостей. Ирина хотела переключиться, но после криминальной хроники должен был начаться неплохой, по отзывам, фильм, и она решила потерпеть. С приходом в нашу жизнь кабельного телевидения с его изобилием каналов и программ вечера перед телевизором превратились в пытку. Ты переключаешь канал, чтобы избавиться от назойливой рекламы; по другому каналу тоже идет реклама или очередной бредовый сериал, и ты снова и снова нажимаешь кнопки на пульте, пока окончательно не забываешь, что смотрел перед тем, как пуститься в это странствие. И ты весь вечер смотришь какие-то обрывки фильмов и программ, постепенно тупея от калейдоскопического мелькания пейзажей, интерьеров и лиц, и в конце концов ложишься спать измотанный, как после тяжелой и скучной работы. Наперечет зная все ловушки и капканы, расставляемые на неосторожного зрителя неугомонными рекламодателями, Ирина предпочитала братья за пульт, как за оружие, только в случае крайней необходимости. И вообще, Глеб, конечно, прав: телевидение – опиум для народа, причем опиум далеко не высшего качества...

– Главным управлением внутренних дел Москвы разыскивается гражданин Стрельников Федор Петрович, – с серьезным и даже мрачным видом вещал диктор. – В марте месяце текущего года гражданин Стрельников был задержан при попытке закладки самодельного взрывного устройства в здание силовой энергетической подстанции на Юго-Западе столицы. При задержании подозреваемый оказал сопротивление сотрудникам охраны и прибывшему по вызову наряду милиции, причинив двоим милиционерам телесные повреждения. Поведение задержанного во время следствия вызвало у сотрудников правоохранительных органов сомнения в его вменяемости. Стрельников был направлен на судебно-психиатрическую экспертизу и совершил дерзкий побег. Всех, кто располагает информацией о местонахождении этого человека, просят звонить...

– Вот уж, действительно, сумасшедший дом, – сказала Ирина.

Не выдержав, она все-таки взяла пульт и переключилась на другой канал. При этом ей пришлось повернуться лицом к экрану и посмотреть на телевизор, который она до сих пор просто слушала, как радио, занятая приготовлением воскресного обеда. Палец механически выполнил действие, на которое был заранее запрограммирован, нажав кнопку на пульте; экран мигнул, фотографическое изображение беглого доморощенного террориста сменилось видом штормового моря, снятым с мостика военного корабля. Но предыдущая картинка, прежде чем стереться из памяти, осталась в мозгу ровно на столько времени, сколько понадобилось Ирине, чтобы осознать, ЧТО она только что видела. Вернее, кого.

Не веря себе, она нажала кнопку возврата. Фотография невменяемого бомбиста все еще была на экране; она почти сразу пропала, сменившись рекламной заставкой, но единственный быстрый взгляд убедил Ирину в том, что увиденное не было шуткой разыгравшегося воображения.

Террорист Стрельников выглядел довольно неприятным типом. Он был нестрижен, лохмат и зарос бородой, выглядевшей не как дань моде, а как следствие элементарной неопрятности и полного равнодушия к своему внешнему виду. На нем был какой-то свитер с растянутым горлом; на правой щеке виднелся длинный прямой шрам, похожий на след автомобильной аварии или удара ножом. Взгляд у террориста Стрельникова был тупой, тяжелый и мутный, рот приоткрылся, как у слабоумного, позволяя всем желающим насладиться видом вставной верхней челюсти из нержавеющей стали. Даже на фотографии было заметно, что он сильно сутулится; вдобавок ко всему, беглый псих и неудавшийся террорист Стрельников был ярко выраженный блондин.

И при всем при том этот запущенный, неприятный и, похоже, и впрямь скорбный умом тип был как две капли воды похож на Глеба. Да и звали его Федором Петровичем; чтобы не запутаться, Глеб так часто пользовался этим привычным псевдонимом, что его знала даже Ирина. И даже в фамилии Стрельников чудился намек на прежнюю профессию агента по кличке Слепой.

Прежнюю ли?

Помертвевшей рукой Ирина выключила телевизор, взяла с подоконника телефон и набрала номер мужа. Телефон Глеба, как и следовало ожидать, находился вне зоны доступа.

– Аналитик, – с горечью произнесла Ирина. – Архивист. Делопроизводитель, чтоб тебя! Ну, вернись только домой!..

То, что прозвучало, как угроза, на самом деле было мольбой: только вернись! С ненавистью покосившись на телевизор, отнявший даже ту призрачную иллюзию покоя, которой она до сих пор себя тешила, Ирина снова потянулась за телефоном, но передумала: звонить Потапчуку было бесполезно. Механизм уже запущен, и его невозможно остановить, пока не кончится завод, и очередная «командировка» Глеба так или иначе не завершится.

Выдвинув верхний ящик кухонного шкафчика, Ирина достала из самого дальнего угла открытую пачку сигарет. Очередная попытка бросить курить пошла прахом – опять же, как и следовало ожидать.

Взяв пепельницу, она присела боком к кухонному столу. В марте Глеб был здесь, дома. Конечно, он уходил на работу и даже исчезал на пару дней, но пары дней маловато для того, чтобы неповоротливая машина российского следствия не только пришла к выводу, что подозреваемый не в себе, но и в официальном порядке, с соблюдением всех процессуальных тонкостей направила его на психиатрическую экспертизу. Значит, никакого задержания на самом деле не было, и можно выбросить из головы мысль о том, что Глеб снова, как это уже случилось однажды, сорвался и объявил безнадёжную войну всему миру...

Намного легче Ирине от этого не стало. Конечно, если бы Глеб и впрямь подался в террористы, ему незачем было бы обрастать, как бомж, обзаводиться шрамом – несомненно, фальшивым, красить волосы и вставлять поверх своих собственных, абсолютно здоровых зубов этот чудовищный железный протез. Кроме того, если бы Глеб Сиверов решил что-то взорвать, он не стал бы возиться с трансформаторными будками и, уж конечно, не попался бы в лапы сонной охране...

Да и какое, в сущности, все это имеет значение? Что он не террорист, Ирина знает и так, безо всяких доводов и доказательств. Значит, этот жуткий образ, в котором он предстал перед миллионами телезрителей, – просто маска, прикрытие, необходимое для очередной операции. А что это за операция, для которой необходимо такое прикрытие?

Она судорожно затянулась теплым дымом. Открытая пачка лежала в ящике почти год, сигареты пересохли и выдохлись, утратив и вкус, и крепость, и аромат, но Ирина этого не замечала. Связать попытку Глеба сойти за террориста со взрывами в метро было не труднее, чем сложить два и два. Собственная проницательность не доставила Ирине никакого удовольствия. С того самого дня, когда шахидки из Дагестана разом убили сорок человек, а заодно и себя, она

молча радовалась тому, что Глеб остается в стороне от этого дела, и боялась, что такое положение вещей долго не продлится. Теперь оказалось, что боялась она правильно, а вот радовалась, наоборот, напрасно. Сфабрикованное на Лубянке дело о попытке обесточить густонаселенный московский Юго-Запад означало, что Глебу поручили внедриться в среду террористов. А это, на взгляд Ирины, было куда опаснее, чем пытаться сплясать гопака в клетке с кобрами.

За стеной, в кухне соседней квартиры, бубнило радио. Поначалу Ирина не вслушивалась в его болтовню, занятая собственными мыслями, но случайно проникшая в сознание фамилия – Стрельников – заставила ее вздрогнуть и замереть в напряженной позе. По радио тоже передавали известие о побеге из психиатрической лечебницы. Здесь пошли дальше – видимо, из-за отсутствия необходимости экономить золотое эфирное время, а также потому, что широкая публика не знала диктора в лицо, – и попытались связать неудавшуюся попытку минирования подстанции с диверсиями на станциях «Лубянка» и «Парк Культуры». Как сказал поэт: «...но если хочешь довести людей до горьких слез, их безопаснее всего по радио дразнить»...

Ирина решительно поднялась, зажав в уголке губ дымящийся окуроч, и открыла холодильник, где с самого Дня Победы скучала недопитая бутылка водки.

* * *

Кондиционер в магазине не работал. Здесь было жарко, душно, тесно, сильно пахло сукном и галантереей, и Мамед Джабраилов люто заскучал, как только убедился, что за полками с косметикой и вешалками с одеждой не прячутся бородатые боевики в камуфляже, мечтающие сию минуту рекрутировать его сестру в шахидки.

Залина, напротив, получала от посещения магазина видимое удовольствие. Она даже перестала вздрагивать от каждого резкого движения и неожиданного звука и, к неприятному удивлению Мамеда, вдруг повела себя, как современная европейская женщина – то есть, воспользовавшись ситуацией, принялась азартно скупать разную блестящую дребедень, без которой представительницы прекрасного пола не мыслят себе нормальную жизнь. Она купила два пакетика хны, новые сережки, очень похожие на золотые, такой же браслет и ожерелье, усеянное таким количеством сверкающих камешков, что, будь они настоящими, к Залине пришлось бы приставить не меньше роты автоматчиков для охраны.

Мамед терпел, давая сестре возможность насладиться не только покупками, но и маленькой мстью. Уговорить ее принять участие в этой рискованной затее оказалось непросто: она все понимала и разделяла его чувства, но ей было страшно, и Мамед не мог ее за это винить. Зато теперь, дав себя уговорить, она всю пользовалась ситуацией, опираясь на простую и неуязвимую логику: брат сам привез ее в город, сам привел в этот магазин и дал денег, велел изображать заинтересованную покупательницу, так чем он теперь недоволен?

Утешало лишь то, что денег у Залины немного, а значит, скупить весь товар она не сумеет даже при всем своем желании. Мамед терпеливо ждал, подсчитывая в уме убытки (мизерные, конечно, но, если ты молодой врач, не берущий с пациентов взяток и считающий зазорным в двадцать пять лет сидеть на шее у родителей, то не такие уж и незначительные), и время от времени через стеклянную дверь магазина поглядывал на улицу. «Уазик» Рамзана, стоящий с работающим двигателем на той же стороне улицы, что и магазин, был отсюда не виден, но Мамед знал, что он рядом, и от этого на душе становилось немного спокойнее. Рамзан не одобрял его затею, но по старой дружбе согласился помочь. А если Рамзан Якубов пообещал помочь, он сделает все, что окажется в его силах, и даже немножечко больше, чтобы не дать Залине попасть в беду по вине своего чересчур предприимчивого брата.

Мамед испытывал перед школьным приятелем сильнейшую неловкость и, будь у него выбор, конечно же, справился бы с делом сам или обратился к кому-нибудь другому. У Рамзана и без него хватало неприятностей, и при прочих равных условиях Мамед Джабраилов ни за

что не стал бы толкать друга на должностное преступление, которое тот совершал в данный момент.

Выступая за сборную Дагестана по вольной борьбе, Рамзан Якубов без особенных усилий окончил университет и вместе с дипломом получил на руки лейтенантские погоны. В спорте он к этому времени уже достиг своего потолка и сам это прекрасно понимал. Пойти работать по специальности означало бы поставить и себя, и своих уважаемых родственников в очень неловкое положение, проявив полнейшую некомпетентность. Некоторым людям удается успешно совмещать учебу и большой спорт, но Рамзан Якубов не относился к числу этих счастливицков: в университете он появлялся только во время сессий, всякий раз в сопровождении тренера, а бывало, что и кого-нибудь из городской администрации, которая очень им гордилась и всячески его поддерживала. Преподаватели были люди понимающие, земляки, болельщики и патриоты, так что ни одну из книг по специальности Рамзан Якубов не прочел дальше начала первого параграфа, порой и вовсе ограничиваясь тем, что было написано на обложке.

В силу вышеизложенного он не стал возражать, когда его пригласили на работу в махачкалинскую милицию. Здесь он автоматически получил звание старшего лейтенанта, поступил заочно на юридический и в два счета дослужился до капитана. А потом случился тот злополучный юбилей военного коменданта, на который в числе прочих сослуживцев пригласили и Рамзана. Военком тоже был из местных, но служил в армии так давно, что успел заразиться широко распространенной среди российских офицеров болезнью, проявляющейся через ярко выраженную склонность к злоупотреблению крепкими напитками – чаще всего, как водится, водкой.

Хорошенько злоупотребив (на этот раз, по случаю юбилея, хорошим коньяком), военком слегка потерял берега и решил, что ему как юбиляру можно все – даже то, чего нельзя никому и ни при каких обстоятельствах, особенно если живешь на Кавказе и хочешь сохранить уважение окружающих. Раздухарившийся генерал-майор начал цепляться к женщинам – в основном, женам русских офицеров, поскольку присутствующие мусульмане, хорошо зная о прискорбной слабости юбиляра, предпочли в данном случае сохранить верность традициям и явились на торжественный ужин без жен.

Поначалу пьяные приставаания военкома сходили ему с рук: присутствующие справедливо полагали, что, коль скоро речь идет об эмансипированных и в достаточной мере бесстыдных русских женщинах, то это дело касается только их и их мужей. Видно было, однако, что долго это продолжаться не может и кому-то все же придется остановить продолжающего упорно и целенаправленно позорить себя, свой род и весь Дагестан юбиляра.

Случай был из ряда вон выходящий, но все, возможно, кончилось бы миром, если бы неблагодарную миссию умиротворения разбушевавшегося генерала взял на себя кто-то другой. Да Рамзан, на плечах которого скромно поблескивали капитанские звездочки, и не собирался указывать старшему не только по званию, но и по возрасту земляку на его, мягко выражаясь, некорректное поведение. Однако воля Аллаха в тот вечер была такова, что капитану милиции Якубову пришлось-таки сделать замечание армейскому генерал-майору Джураеву. Произошло это, когда его превосходительство на глазах у Рамзана ущипнул за грудь проходившую мимо женщину. Видимо, щипок получился не только оскорбительным, но и весьма болезненным; женщина вскрикнула, чего за громом музыки и гулом разговоров не услышал никто, кроме стоявшего буквально в двух шагах Рамзана, и попыталась отвесить генералу пощечину.

Среди мусульманских женщин не принято принародно хлестать по физиономиям мужчин. Правда, среди правоверных мусульман также не принято напиваться до свиного состояния и принародно же лапать посторонних женщин, более того, чужих жен. Одурманенный коньяком, его превосходительство забыл про второе, но хорошо помнил первое. Сочтя себя глубоко оскорбленным, он перехватил за запястье руку, едва не осквернившую пощечиной его

раскрасневшееся от алкоголя лицо, и нацелился сделать с женщиной то, что она не сумела сделать с ним.

И очень удивился, осознав, что его карающую длань тоже кто-то перехватил и удерживает, причем с силой, намного превосходящей все, чем мог похвастать он сам.

– Не надо, уважаемый, – вежливо попросил Рамзан, – люди смотрят.

Убедившись, что причиной досадной помехи стал всего-навсего милицейский капитанишка, генерал дал волю своему раздражению. Он назвал женщину, за которую вступился Рамзан, русской шлюхой, а самому Рамзану, не стесняясь в выражениях, сообщил, что он не мужчина, иначе не отирался бы по чужим праздникам, набивая брюхо дармовым угощением и оскорбляя хозяев, а прославлял бы родину спортивными достижениями или, на худой конец, ловил бандитов. Он многое успел сказать и наверняка сказал бы еще больше, если бы в какой-то момент Рамзан не заткнул ему рот кулаком.

Скандал получился грандиозный. Некоторые считали, что Рамзан Якубов вспылел, не справился с собой. Мамед, знавший его, как облупленного, подозревал, что это не так, и Рамзан, ничего не утверждая прямо, все-таки не отрицал, что ударил генерала сознательно. А однажды, когда разговор опять коснулся этой темы, сказал: «Если бы я действительно вспылел, его бы похоронили, а меня посадили. А что разжаловали, так плевать мне на это с высокого дерева. За удовольствие надо платить, а знал бы ты, какой это был кайф!»

Посадить его, тем не менее, могли. Во всяком случае, господин генерал на этом настаивал, упорно расценивая полученный удар кулаком в лицо как террористический акт. Рамзан целый месяц провел под арестом, его затаскали по допросам, но свидетелей того, как все было на самом деле, оказалось предостаточно, и версия о злонамеренном покушении на жизнь военного коменданта рассыпалась раньше, чем успела обрести хоть сколько-нибудь четкие, зримые очертания. Если бы не тупое упорство мстительного военкома, который подключил все свои обширные связи и в своем стремлении стереть драчливого мента в порошок дошел до самой Москвы, Рамзан, вероятнее всего, уже был бы майором. Но из-за поднятого генералом шума спустить дело на тормозах не удалось, и разжалованный в сержанты капитан Якубов сел за руль умирающего от старости «уазика». Первое время он стеснялся приезжать в Балахани в своем новом качестве, но дома его поступок всячески одобряли и даже пытались выступить в его защиту (каковая попытка была пресечена самим Рамзаном, справедливо полагавшим, что землякам ни к чему наживать неприятности с федералами из-за такого пустяка, как капитанские звездочки). Военком торжествовал победу, но радость его была недолгой: очень скоро он заметил, что его больше не зовут в гости, а некоторые просто перестали при встречах подавать ему руку. Какое-то время он держался, а потом все-таки подал в отставку и уехал – куда именно, никто не интересовался.

Таков был Рамзан Якубов – друг, за которого Мамед, не раздумывая, отдал бы жизнь.

У Залины, наконец, кончились деньги, а вместе с ними пропал и интерес к выставленным в магазине товарам. У Мамеда интереса к этому заведению не осталось уже давно: он почти сразу понял, что здесь нет ничего, что хоть на йоту приблизило бы его к цели.

Залина оглянулась на него через плечо, и Мамед едва заметно кивнул: да, уходим отсюда. Ребята в машине, наверное, уже совсем извелись от жары и безделья, а Рамзан при встрече не преминет прочесть целую лекцию по поводу сожженного впустую казенного бензина. Денег за бензин он, конечно, не возьмет, но лекцию прочтет обязательно, и обязательно пару раз обзовет Мамеда упрямым ишаком – впрочем, без злости, потому что понимает: иначе Мамед Джабраилов просто не может.

Залина пошла к выходу. Выждав немного, Мамед последовал за ней. Идя по проходу между прилавками, он увидел через дверное стекло стоящий перед магазином джип – огромный, белый, роскошный, не джип, собственно, а полугрузовой пикап из тех, что с некоторых пор стали пользоваться повышенным спросом у толстосумов, которым некуда девать деньги.

Чтобы, живя в Махачкале, приобрести такую машину, она должна быть краденой, а открыто развезжать на краденой машине могут только люди, для которых закон – пустой звук. Конечно, особенным законопослушанием на Кавказе не отличаются даже древние старухи, но все-таки, все-таки...

Он хотел окликнуть Залину, сказать, чтобы не выходила на улицу одна, но не стал этого делать. За входом в магазин бдительно наблюдают Рамзан и его друзья, так чего опасаться? Да и сам Мамед, если что, успеет прийти на выручку сестре...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.